

Сутуга Алексей. Диалоги о тюрьме

2020, источник: [здесь](#).

Предисловие

Алексей Сутуга родился в Иркутске, с 2007 года живет в Москве. Антифашист, гражданский активист, участник «Автономного действия», скинхед. Работал в медиа-издании «Русская планета», институте «Коллективное действие», ТЕАТРЕ.DOC. За уголовное дело о драке провел в Бутырской тюрьме два года (2012-2013), был амнистирован и освобожден; за второе дело о драке провел в тюрьмах и лагере три года (2014-2017).

Мы публикуем расшифровки аудиозаписей** бесед о тюрьме, в которых мы коснулись и судопроизводства, и бытовых вопросов, и вопросов коммуникации, а также поговорили на темы солидарности, политузников и адаптации в условиях несвободы.

Расшифровки представлены в виде неотредактированной и неолитературенной прозы с удаленными репликами и вопросами интервьюера/ов.

Интервью записывались в 2018 и 2019 году в кофейне «Кооператив Черный», кафе «Угол», кафе Fruits and Veges, кофейне WEST 4 Roasters, кафе музея «Гараж», в старой квартире Сократа.

Москва, 2020

Тюрьма не за горами

Есть категории людей, которых конкретно их весь образ жизни приводит в тюрьму: слои людей, которые бухают-бухают, а потом берут нож и убивают тупо или работают-работают, а потом что-то крадут с работы и попадают, или те, кто крадут годами, у них все построено по жизни хорошо, они охуенно живут на воле, а потом у них бывает просчет, и они тоже попадают, и это все логично, и нормально они сидят в тюрьме тоже, как и жили на воле, правда, в тюрьме. Просчет — они не поделились вовремя, не успели или не захотели, пожадничали, или их сдал поделщик какой-то — разные вещи случаются. Тех, кто больше

крадет, меньше сидит в тюрьме на самом деле, им сидится лучше. И есть две темы, из-за которой в России люди ходят под дамокловым мечом, — это бизнес и политика. Всегда возможно, что ты перейдешь дорогу силовикам или чиновникам, или они позарятся на твой бизнес, который ты уже раскрутил. Это прописные уже истины в нашей стране, которые должны знать все молодые люди.

Это вопрос и к правосудию, к законодательству, и к отношению мусоров к людям, к тому, как они обделывают все эти дела, и вопрос вообще к обществу, как в нем живут: если бы человек не бухал или не кололся, может быть, в тюрьму бы и не попал. Сейчас законодательство чуть-чуть изменили, если человек колется, он может не попасть в тюрьму, декриминализация¹. Но все-таки если он наркоман и попался на этот крючок и ему надо для очередной дозы денег заработать, он берет вес и куда-то едет с ним, и его мусора берут за этот вес, они видят, что этот вес не для личного употребления, и по законодательству тоже оно идет так, его сразу закрывают, человек получает девять лет. Сама жизнь наркопотребителя в России подразумевает связь с криминалом и работу на него, поэтому рано или поздно наркоман попадает в лапы полиции.

Человек рано или поздно попадет в тюрьму в России, особенно при определенном образе жизни и делах, которыми он занимается. Чем я занимался, рано или поздно привело бы к таким последствиям. Не всех приводит: кто-то вовремя остановился, чем-то занимался, потом понял, что вечно везти на мутках не будет и перестал ездить бить бонов. На дураках же учатся умные люди. Да, и времена уже другие: не вижу смысла в этих мобах антифа, которые и умели только нападать на наци и больше ничего. Но наш моб был другим, мы не ограничивали себя драками и спортзалом, а охраняли концерты, ходили на политические уличные акции. И сейчас со старыми товарищами говорим друг другу: «Раньше было веселее».

Началось все в 2011 году, даже еще раньше, может быть, просто я сам наверное не знал, что это все раньше началось. У мусоров все раньше начинается, чем у тебя, твои приключения у них записываются: узнают о тебе через своих стукачей и осведомителей, заводят на тебя оперативное дело, ведут человека, в какой-то момент сверху приходит решение, что надо закрывать, человек совсем охуел. Человек преступил закон, они точно знают, что это именно он преступил его, есть улики против него какие-то, более-менее, или

какие-то терпилы появились, закрывают человека. Слухи идут постоянно, мне кажется, это достаточно быстро все происходит, может быть, в нашем случае все помедленнее было, политический случай немного другой. Но человек, который попадает в оперативное дело, это все уже. Я никогда не видел оперативное дело, я видел свое дело внутри системы, во ФСИН, дело, с которым я еду весь срок, туда подшивается все. Это другая папка для ФСИН, там записывают твою характеристику, психологический портрет, биографию. Все твои косяки перед системой тоже подшиваются. Например, красная полоса — это склонность к побегу, есть суицидник, потребитель алкоголя и наркотиков, игроман, и т. д.

В начале декабря 2011 года случилась драка в московском клубе «Воздух»2, казалось бы, рядовой случай, такая хуйня если не раз в неделю, то раз в несколько месяцев происходила, драки-то точно раз в неделю были, и мы не особо обратили внимание, что потерпевших из больницы показали на Life news в интернете. Ну сказали и сказали, стерпились, все нормально будет. А до этого мы делали семинар по Монсону3, где были опера центра Э, которые уже со мной здоровались, спрашивали, знаю ли я их, а я их вообще первый раз в жизни видел, может, просто не запомнил. Звончек такой, что они меня уже знали. Они знали, что я вернулся из Украины, отслеживали мои перемещения.

Случился «Воздух», к моему будущему поделельнику, Алексею, пришли домой опера, дома его не застали и ушли. Алексей Федорович не дурак, сразу собрал вещи и уехал. Я тоже вместе с ним уехал, до тех пор всерьез не воспринимал, но раз он сказал, что надо уехать на некоторое время, значит надо уехать. Далекo мы не уехали, уехали в Питер. Там я понял, что в Питере делать нечего, хотя было, где жить, но это не мой город, чтобы там жить так долго — целый месяц, и уже под Новый год я вернулся обратно в Москву. Алексей Федорович там остался, я вернулся. Жил так же, как и жил. В конце января — феврале задержали Алексея Федоровича, привезли этапом из Питера в Москву оперативники. По дороге в поезде били и допрашивали. Закрыли на Медведково, завели уголовное дело по нему по статье 213-й ч. 24. Сейчас бы я уже понял, а тогда не понимал, что здесь бы я не находился, если бы такая ситуация была: задерживают Леху, и он через адвоката говорит, что такими-то людьми у меня интересовались опера, сразу понятно было, что к чему. Тогда я думал, всегда интересовались и сейчас интересуются, может, просто не надо ходить на концерты и на политические митинги, на которые я уже сам тогда не ходил. Но я продолжал ходить на концерты периодически, стоять на охране, участвовать в каких-то драках, но уже не таких массовых. Еще один звончек был, когда меня и Дмитрия Бученкова задерживают на тренировке в Битцевском парке, привозят в опорный пункт милиции на метрополитене, и туда заходит известный уже сотрудник центра Э или ФСБ (до сих непонятно, где он работает) с еще какими-то, смотрит на нас, что-то говорит и уходит. Через неделю меня задерживают.

Меня задержали на ст.м. Цветной бульвар, был сбор денег на адвоката Лехи, на передачи, я зачем-то туда поехал, хотя и без меня бы нормально все получилось. Задержал тот же самый оперативник, который неделю назад меня задерживал, с коллегами из ЦАО и наряд. Одного меня на этом сборе и задержали, заковали в наручники, в наручниках я поехал в УВД по ЦАО на Пролетарской. Привели в кабинет к следователю, а я весь скрученный из-за того, что запястья неудобно заковали, тот проявил заботу и попросил оперов снять наручники. В общем пытаются провести допрос, приводят адвоката по назначению. Адвокат мне сам

говорит, по 51-й или будешь давать показания? Говорю: по 51-й, он: тогда моя работа только в том, чтобы объяснить, что такое 51-я. Сажу у них до утра в отделении, и они меня везут на Бутырку, после того, как следователь мне предъявил обвинение. Я уже понял, что мне несколько месяцев придется посидеть, но я все-таки думал, что выйду скоро. Наивный был в этом плане еще.

Они меня привезли, какую-то хуйню поспрашивали, какие-то другие вещи спрашивали, взяли ватной палочкой мазок слюны. Предъявили 213-ю статью обвинения, часть 2. Приезжаю на Бутырку, двое оперативников меня привозят на своей машине, сдали меня во ФСИН, в систему. Я же был на сутках по административным до этого времени, для меня это не было новым. Даже когда на Бутырку привезли, воспринимал, что это на какие-то сутки, потому что это было похоже на то, как я раньше сидел по десять дней. И весело было, и страшно: неизвестность пугала, тебя вырывали из жизни вольной, все заканчивалось резко, все твои угарчики, планы, общение с людьми — все. Принял для себя, что это какое-то приключение очередное, связанное с моим образом жизни, с деятельностью моей, поэтому воспринимал это как должное, что рано или поздно я все равно заеду в тюрьму по тому или иному поводу, считал всегда, что анархист, революционер, который занимается прямым действием, рано или поздно заедет в тюрьму — это часть его жизни. Я старался держать себя в руках и относиться к этому как к приключению.

Было чувство, что наконец это произошло, и во второй раз тоже такое же. Я где-то читал, что у преступников, которые долго бегали от ментов, когда их брали и закрывали, появлялось чувство некоего успокоения из-за того, что не надо больше скрываться и бегать. Вот и у меня оно было, легкое такое. Еще я чувствовал, что я не досидел в первый раз. Просидел год и два месяца на Бутырке, там были тяжелые времена, но по большей части я воспринимал это как приключение, как должное — ну, блядь, жизнь такая, завтра будет лучше. Как на Бутырке рассказывали, дальше приговор, этап и лагеря. И вроде к этому готовишься морально, а потом бац — и ты выходишь. И думаешь, че блядь? Во второй раз когда заехал, подумал, ну все, на этот раз точно я уеду после приговора куда-нибудь. Конечно, дикие депрессняки начинаются в хате по первой, но от них не впадал в отчаяние, тюремная бытовуха заставляет забываться от тяжелых мыслей. Надо крепанутьсяб немного, и нормально все будет.

Когда я заезжал, знал, что в такой-то хате сидит мой старый знакомый — Игорь, которого те же опера посадили, знал, что еще какие-нибудь интересные люди будут, что вся эстетика, тюремный мир, который пугает тебя на воле, ты его в принципе знаешь. Я родился в Иркутске, жил на таком районе, где были взрослые люди отсидевшие, которые рассказывали, как жить и не пропасть. В общем морально не так страшно. Без этой житейской базы не так было бы. Мусора пугали. Боишься, что тебя начнут пиздить или хуйню творить, обычное дело. Страх надо держать под контролем, бояться можно, но нельзя руководствоваться своими страхами. Но ожидание физического насилия 24 часа в сутки, вторым сроком когда сидел — точно 24 часа в сутки — нескончаемое ожидание особенно в Сибири, когда мусора заточены под то, чтобы тебя сломать, если надо, если отдадут приказ, если появился оперативный интерес к тебе, а в моем случае он был всегда, в моем деле было что-то такое написано, из-за чего они постоянно держали меня под контролем. Посадили туда, где можно контролировать и наблюдать круглосуточно. Если на

барак, где живут, например, 70 человек, было пару стукачей, проверяющий инспектор и дежурная смена, то на наш барак, где ШИЗО и ПКТ7, и где сидят от 5 до 20 человек — своя смена инспекторов из трех-четырех человек, заглядывающий опер и БИОР8, инспекции хат прокурором и начальником лагеря. К тому же, в отличие от лагеря, мы были лишены передвижений и почти 24 часа находились в камере, выходили только на утреннюю и вечернюю проверки и на часовую прогулку. Сидели по одному или по два человека в хате. Супервнимание на нас было.

После приговора конкретных попыток повесить новые делюги на меня не было, но те козлы, с которыми я сидел на иркутском центральном, задавали такие вопросы, на которые ждали тех ответов, которые потом бы сдали операм, и опера начали бы раскручивать. Вопросы типа: вот вы воевали с нацистами, а с мусорами дрались? Я: конечно, дрались. Но это было в Украине тогда-то тогда-то. Тот сразу: а-а, в Украине. И интересовался уже чем-то другим. Как человек наивный, сначала думал, что интересно им лично. Типа, сидим, делать нехуй, можно и пообщаться. А потом понял. Ну, они сами дебилы. Сидело три козла, и только один из них умный был, двое других портили всю игру. Самой жести я с ними не хлебнул, но были пограничные ситуации, я старался все сглаживать, я и на воле так делаю, особо не конфликтую с людьми, а если конфликтую, знаю, что из этого конфликта выйду победителем, надо, чтобы за тобой был резерв какой-то. Надо быть хорошим психологом в тюрьме, самые хуевые люди даже они психологи. Но некоторым психология нужна, чтобы выпросить сигарет, конфет, на большее не хватает их, на какое-то развитие плановое. Знают, что человек тебе жертвует конфету, сигарету, заставляя быть обязанным, и взамен что-то попросит у тебя. Я этим тоже пользовался, у меня были сигареты, конфеты, я раздавал, зная, что будет взаимная помощь какая-то. Но это не факт, конечно.

Я еще сидел с малолетками, мало того, что глупые, еще и молодые, но пытались брать вот этими повадками волчьими тюремными, которых уже сами нахватились здесь. Им по 19–21 лет, без жизненного опыта, хотя у некоторых в 20 лет опыта больше было, потому что жили на улице. Это все местные сибиряки.

Через старые бутырские ворота проходят десятки людей ежедневно. Для ФСИН это работа, идет конвейер: принимают бумаги от оперов, осматривают тебя на наличие побоев, снимают отпечатки пальцев, фотографируют, с твоих слов (но проверяют по бумагам, которые приехали с тобой) записывают судим/несудим, фио, анкетные данные, выдают матрас, ложку, чашку, набор бритвенных принадлежностей (фсиновский маленький набор — маленькая зубная щетка из хуевой пластмассы, маленький тюбик зубной пасты, которым только раковины чистить, потому что хорошо очищает все, но зубы им лучше не чистить, бритвенные станки, как gillette, но ими вообще невозможно пользоваться, только скоблишь ими кожу, туалетная бумага — все производится внутри ФСИН, на лагерях), два полотенца (иногда не полотенце, а рваный кусок жесткого полотна, которым можно брить голову) — все это по фене называется чесовское (то, что производится во ФСИН). На ШИЗО и по этапу ты в своей одежде, а на лагере выдают робу. Можно только спортивный черный костюм для занятий спортом и утренней зарядки. Все это прописано в УИК и ПВР.

Я еще начал выбирать себе потолще матрас, на что мусор сказал, ты че охуел, бери первый сверху. Я начал ворчать, жаловаться, что у вас такие матрасы хуевые, он на меня так

смотрит. Я взял матрас, в котором ваты практически не было. Человек 6–7 сидело на сборке, бывалые, чифир раздобыли, в бутылке сварили с помощью факела из выданных чесовских полотенец, наркоманы на отходнях сидели, которых тоже привезли на Бутырку из разных мест (и из других СИЗО, и которых только что арестовали). Человек по 10–15 в день привозят так. И всех сплавляют в одну сборку, кроме тех, кто с судов, только новоприбывшие.

Сидело трое пацанов подмосковных-московских, которых с малолетки на взросляк перевели, потому что им исполнилось 18 лет, все с перстнями набитыми, по АУЕ9, наркоман московский сидел, у которого квартира в центре, он уже не первоход. Сидим, начинаем общаться. Второходы, у которых по 10 лет отсижено, сразу выясняют, кто кем сидел, где, в какое время. Были люди, которых с другого централа перекинули, с ними быстро заканчивали, потому что бумаги ФСИНовские на них есть, распределили по хатам, подняли. Были те, которые молчали, сидели, было видно, что они очень подавлены и в шоке от того, что они в тюрьме. Про таких говорят — замороженные. Интересных не было персонажей по нашей теме.

Все стены исписаны зековским творчеством. Я тоже решил свое добавить, взял карандаш у одного, написал имя и даты приезда, потом какой-то молодой из наших рассказывал, что видел их.

Сборка — это огромное помещение на первом этаже, на Бутырке их штук шесть, появилась сборка для некурящих 10, есть досудебная сборка — разные. Сборка для первоприбывших в СИЗО всегда была где-то в самых ебнях, между первым корпусом и другими сборками, там, где много комнат, в которых фотографируют, снимают отпечатки пальцев — им удобно, комната с матрасами рядом. По фене сборка, в Челябинске слышал сборка — привратка.

Привезли кого-то из ИВС, кого-то из отделов, человек пять собралось, фамилии назвали, взяли матрасы, вывели и повели в корпус карантина через внутренний двор Бутырки. Там чистота, пол залит резиновым покрытием, все покрашено в цвета госучреждений, которые преследуют тебя всю жизнь. Быстро распределяют по хатам, меня заводят в двойку с одним. Есть карантин на четыре, шесть человек. Там нары двухэтажные железные, маленький дубок, туалет с закрывающейся нижней частью — дальняк, зеркало с умывальником рядом с нарами, подставка для телевизора рядом с решкой. Все чисто, свежепокрашено. Обычно так везде на карантине. Сюда проверки в первую очередь всегда заходят.

Познакомился с сокамерником, Игорь, мужик невысокого роста, лет 34, заехал по 228-й (героин)11. На Белорусской взял героина, засунул в носок и пошел, говорит, чувствую, что за мной идут, а из носка достать не успеваю. Что-то затупил, обычно в рот кладу, а тут в носок положил, они его сразу взяли. Первоход. С запада Украины, работал на стройке, подсел на героин. По нему вообще не было видно, что ему хуево. Нас потом вместе в хату подняли, я вообще не слышал ни разу, чтобы он жаловался, что у него ломка. Он не особо общительный, и был в ахуе от всего происходящего. Тюрьма — не его место, его взяли тупо за употребление. Мы с ним три дня просидели, нас вызывали к оперу. Мы на прогулку три дня ходили, на прогулке кто-то мне перекинул конфеты-леденцы и сигареты — грев для

карантинщиков. Игорь говорит, наверное что-то чужое, давай брать не будем, а ему говорю — ты ж курить хочешь, сидишь без сигарет помираешь, а это грев. Нас в разное время поднимали на прогулку: до обеда — спецпродол, мы после. Забрали мы грев, я поинтересовался у кого-то что к чему, общение в карантине по минимуму. Сидим едим конфеты, и меня вытянули к оперу в кабинетик маленький, там сидит опер в форме, что-то мне говорит, а я с этой конфетой во рту. Конфеты — это запрет полный, откуда у меня в карантине конфеты? Неоткуда им взяться! Мент понимает, что это грев, что это воровское. Я сижу внаглую, потом он говорит, вставай, ты что расселся, ему это не понравилось. Он предлагал сотрудничество, классическую схему, на отъебись, по работе ему надо с каждым зеком пообщаться, это быстро все проходит, если ты не полный дебил, просто говоришь, мне это неинтересно. На Бутырке просто отъебываются, в других местах может полный пиздец происходить, на этапе. На моем примере агитации особой не было: он спросил, я отказался. Он сказал, ну ладно будет хуже. Он сказал, а-а, ты скинхед, сейчас мы тебя к чуркам посадим. Я говорю, ладно. Не знаю, о чем он с Игорем общался, угрозу свою исполнил. Через три дня поднимают нас двоих на выход, подмотали мы все шмотки, смотали матрасы, поднимаемся на третий этаж, длинный коридор, хата 93, расклацываются тормоза, куча народа подходит к двери. Я стоял сзади продольного как-то тупо, он мне говорит, че ты сзади меня стоишь, давай заходи. Мы заходим, закатываются тормоза. Куча народа, впереди пацан маленького роста, в хате 22 человека с нами было. Может быть, опер поговорил со смотрягой, сказал, что поднимет скинхеда. Не уверен, что они были в курсе: не заметил при первом разговоре наезда, что скинхед, там я сам говорил, что скинхед. Мужики все эти тупые, по ним видно сразу. С московским наркоманом я до этого на сборке разговаривал, когда только заехал, он сказал, в хату будешь заходить, ни на кого не обращай внимание, тупо ставь около дубка свернутый матрас и спрашивай, кто смотряга, никого не слушай. Я захожу смотрю, где дубок — посередине длинный. Подхожу к нему, они все расступились, мне какой-то мужик говорит, нет, здесь не ставь у дубка, поставь у нар. Смотряга оказался ингуш, и тот, который был у тормозов, тоже ингуш. Смотряга спал, я с этим вторым разговаривал. Он на татухи смотрит, еще что-то там, я начал расклад ему кидать, за драку заехал.

Всем интересно, что у тебя набито, что за татуировки. Многие старые сидельцы определяют по тюремным татуировкам многие вещи, у меня татуировки вольные. Давно есть понятие, определенное ворами: вольная татуировка не влияет на твой образ жизни (со своими нюансами). Если набита воровская символика, нужно обосновать. Не сможешь обосновать, к тебе будет подход определенный. Некоторые могут промолчать, а потом спросить между делом, некоторые напрямую спрашивают, все от человека зависит. Ты просто ничего не говоришь, пока они у тебя не поинтересуются. Но привыкаешь ко вниманию.

Я этому пацану расклад кидаю, говорю, знаешь Игоря такого-то. Да, а ты что с ним знаком? Да, знаком. Он сидит в 90, через две хаты. Как мне с ним связаться? Нормальнонормально, потом свяжешься. Пока я с ним говорю, мужики ходят, смотрят, когда заезжает новый человек в хату — это целое событие. Игорь на вокзале (пяточок возле тормозов) сидит, сигарету стрельнул, курит. Я когда заехал, положил матрас, развернулся на эту толпу мужиков, вижу, стоит один в алкашке с татуировками: коловрат, черное солнце и лимонка. А он смотрит на мои шмотки (кроссовки каппа, джинсы, куртка гант, футболка модная, бейсболка), улыбается. Я у ингуша спрашиваю, а что за чувак там сидит, он нацист? Тот: а

ты как узнал? По татуировкам. Пообщайся с ним, вроде нормальный, мы ему рассказали, что к чему, иди с ним пообщайся, если хочешь, а я пока с Игорем. Еще он меня про Игоря-сокамерника спрашивал, мол, ты с ним сидел, нормальный — нет. Я говорю, нормально все с ним. Я всем видом хотел показать, что знаю внутренние расклады, по итогу я никуя не знал, конечно. Он еще попросил снять футболку показать татухи. Я говорю да пожалуйста. С татухами всегда серьезно все в тюрьме. Я пошел с этим «нацистом» общаться. Здорово, че кого. Кирилл. Леха. Он говорит, ты откуда. Я говорю, я из Иркутска, я ему не сказал, что меня Сократ зовут, позже сказал, он говорит, слышал, Воронцов (бывший иркутский нацбол) рассказывал про тебя. Общаемся с ним, с мужиками какими-то, там всегда персонажи такие: какие-то молдаване-наркоманы, таджики, мошенники — в общем обычный контингент для московского централа.

Потом смотряга проснулся, я с ним пообщался. Решка большая двойная (бутырские окна), дубок длинный узкий посередине хаты, нары стоят вдоль стен. Смотряга рядом с двойными нарами справа, у него все занято, завешено простынями, типа личное пространство такое. К нему заходишь, там общее лежит (крупы, дошираки, сигареты, чай и т. д.), матрас у него нормальный хороший. Видно, что обжился, давно сидит. В хате больше никого из интересных персонажей не было, один узбек, таджика молодых 3-4, у одного хулиганка, у другого 228-я (героин), у третьего вымогательство.

У узбека такая делюга дурацкая: он тусовался в подземном переходе на площади трех вокзалов возле ТЦ, познакомился с двумя алкашами, бухал с ними, шел по этому переходу, там сидя типа спал чувак с пакетом, в котором новый купленный телефон просвечивался. Узбек подрезает этот телефон, поднимается вверх, там его опера сразу принимают. Два чувака, с которыми он бухал, идут свидетелями обвинения. Причем это такие свидетели, про которых говорят, что видели их в другой делюге такого же плана. Это палка. Засада в виде чувака-провокатора, который сидит с телефоном. Узбека обвиняли не в краже (158-я)¹², а в грабеже (161-я)¹³, а он хотел по 158-й, сидел до этого за убийство 10 лет. Он отказался давать показания, обычно по таким статьям судят за 3-4 месяца, и они уезжают на лагерь, а он судился полгода. Он просидел полгода, поехал на суд, ему переквалифицировали 161-ю на 158-ю, и он вышел. И он звонил потом пьяный с площади трех вокзалов, говорил, что у него проблемы с ингушами или чеченцами, чтобы смотряга их решил. До этого говорил, что завязывает с преступным миром. Хотя какой это преступный мир, мужик просто бухает и хуйню творит по пьяни, а сам на стройке работает, руки у него растут, откуда надо. Он мне сшил блокнот. Погоняло Дончик, зовут Данияр, ему за 40, шил блокноты, делал четки, починил чайник, имел слово в хате, мог сказать, и его послушаются.

К нам заехал один пацан, который метадоном кололся, брал шприц и варил его в общем чайнике. Чайников было два: один “элитный” у дубка (для смотряги и братвы) и чайник для мужиков. Шприц он варил в мужицком чайнике. Дончик сказал ему, зачем ты варишь шприц в (общем) чайнике. Целый сбор был, он у каждого спрашивал, можно так делать или нельзя. Я говорю, можно, но неприятно. Сутки у них были рамсы. Был моменты, когда они кричали, смотряга их успокаивал, были подъёбы, выкручивания. Ему не разрешили варить, появился третий (запасной) чайник. Чувак, который употреблял, то ли уехал по этапу, то ли его перевели в другую хату, целые разборки были по поводу власти, он имел неплохой вес, завел общение с нужными людьми на централе и прогибал других людей, но все равно не

смог и переехал.

В момент, когда я заехал, телефона на хате не было, потом три телефона было, которые отшмонали за месяц, вообще телефон достать проще простого, просто я не знал, как это делается: находишь нужного человека (ноги), приплачиваешь, и это дикое барыжничество, а на центральной всегда есть борьба против барыжничества, некоторые умудряются купить телефон за 40 тысяч. Мусора отшманывают телефоны, потом продают в другую хату. И потом ты думаешь, как так, значит, с этим связаны какие-то зеки. Стараются бороться с барыжничеством, чтобы телефон не покупали за овердохуя денег. Покупаешь телефон за 20 тысяч, потому что надо за ноги заплатить и за сам телефон. И все равно 20 тысяч — много слишком. Когда ты сам покупаешь, ты поднимаешь цену, поддерживаешь рынок, который легавые контролируют по сути, потворствуешь барыжничеству. А на Бутырке дохуя бизнесменов сидит, им пофиг на цену. Мусор говорит 50 тысяч, и они спокойно покупают. Свободный рынок. Воровской мир против свободного рынка в этом смысле, когда нихуя нет, сидишь без ничего, знаешь, что есть доступ к связи, но он стоит нереально. В хате курка нормального не было, куда спрятать. Варианты: копать, пробивать камень, хитрые способы или просто мусорам платить, чтобы не лезли, куда не надо.

Видеорегистраторы есть в некоторых камерах, в общих камерах стоят, на спецу. На Бутырке все сломали, оставили только в образцово-показательных, сейчас не знаю, как там дела с этим обстоят. На Иркутске стоят в общих хатах, их не тронешь, если тронешь, отправят на перевоспитание к козлам на спецпродол, которые сделают за видеорегистратор с тобой такие вещи, что ты захочешь, чтобы вокруг одни видеорегистраторы были.

раторы были. В Иркутске, где я сидел с козлами, было два видеорегистратора, там хата, которая на две комнаты делится. На московских продолах есть видеорегистраторы в некоторых хатах, когда я заехал, не было. Может, денег не было, может, сломали, лучше пусть контролер по продолу ходит каждый час и смотрит в шнифт¹⁴.

Раньше охраной лагерей и тюрем занимались ВОХР, сейчас фсиновцы¹⁵. Отношения с продольными разные, зависит от того, как они себя поведут. На Бутырке при мне никто не жестил из продольных. По понятиям если ты видишь, что мусора пиздят зека, неважно кого, даже петуха, то можешь кровь пролить свою. В Сибири это делают, это солидарность, это делают из практических побуждений: сегодня петуха или порядочного бьют, а завтра будут всех зеков пиздить, не надо этого допускать. Но кровь не вода, попусту ее проливать нельзя. Если ты слышишь какие-то крики на продоле, что кого-то пиздят, выясняй сначала, кого пиздят, это может быть провокацией козлов, мусоров, а ты кровь пролил попусту зековскую. Выяснить это можно, крикнув, что случилось, что сейчас вскроюсь. По разному. Все тонко всегда, надо относиться к этому очень осторожно. Когда ты видишь, когда хуячат зека, попытайся остановить. Просто тупо молчать, смотреть, как пиздят зека другого, это пиздец, к тебе будут вопросы потом.

Через несколько дней я узнал, что адвоката нашли, что он придет скоро, от этого как-то веселее стало. Потому что сначала ничего не понимаешь, только знаешь, за что тебя приняли и то очень смутно. Опера постоянно говорят всякую херь, пытаются запутать тебя, развести на то, что еще наговоришь на какие-то новые обвинения. Расскажешь про свое

дело что-то новое для них, потому, если не умеешь разговаривать с полицией, лучше вообще с ними не разговаривать. Не надо считать себя умнее и хитрее, их несколько и они в более выгодной ситуации, чем ты, на их стороне твой страх и шок.

Некоторые люди живут инстинктами первое время в тюрьме, замороженные. Говорят ему, давай размораживайся, надо жить здесь начинать. Говорят бывалые люди, которые понимают, как жить в тюрьме. Живи, а не существуешь. Есть те, кто в треугольнике таком существуют — дубок-дальняк-шконка, им похуй вообще на все, что вокруг них, а значит и на себя. Живи, как порядочный арестант должен жить, чтобы тебя не привело к пиздецу, системе, в которой ты будешь, как робот.

В тюрьме все порядочные должны жить общим, если что-то на одном скажется, скажется на всех: если будут пиздить одного, будут пиздить всех. Если будет один прогибаться, то и другие прогнутся. Все должны друг другу помогать, чтобы этого не произошло. Потому что ничего нет кроме солидарности, оружие одно. Хотя есть и личный героизм, такой, что ты сам должен понимать, что есть твоя совесть арестантская, и ты от нее двигаешься. Но эта совесть приводит к общему. Искренне живет так малый процент, но они тянут всех остальных. Можно их назвать блатными (блатные не любят, когда их называют блатными, их можно назвать бродяги, братва), люди, которые все это понимают, которые понимают, что нужно тянуть всех остальных к этому, иначе никто ничего иметь не будет.

Если ты будешь жить, как написано в правилах внутреннего распорядка, сойдешь с ума и станешь роботом. Я понимаю, что это нечеловеческое, нелюдское, так жить тупо, так человек не может жить: вставать в определенное время каждый день, завтракать в определенное время, ходить на прогулку в определенное время, постоянно как попугай кричать свои данные (срок-статья). Человек так не живет, это не вольные вещи. И каждый день все повторяется, ничего не меняется, и у тебя нет собственной воли никакой. Просто живешь, как у них написано.

Если на лагере начинаешь Жить и призываешь всех к этому, могут начать мотать тебя по ШИЗО, давать по 15 суток, потом еще 15, потом еще 15, лишить тебя вещей, которые позволены обычному зеку, потом могут дать полгода ПКТ (все по закону — ты нарушаешь внутренний распорядок), изолировать тебя от арестантской массы, чтобы ты не влиял на остальных осужденных. И вот ты уже живешь под «крышей»¹⁶. Но есть солидарность арестантская, когда зеки с лагеря поддерживают «крышу». Они знают, что там сидит десять человек, например, им дали ПКТ полгода, мы всех их знаем, мы должны их дальше поддерживать, помогать, они не должны зависеть полностью от режима, от системы. Мы должны общаться с ними, малявами, еще как-то, ведь они за нас страдают. Когда ломают лагерь, перекрашивают в красный, перво-наперво всегда под «крышу» приходят, потому что если под «крышей» по режиму живут, идут слухи, приезжают те, которые по пять суток отсидели, возвращаются и говорят, там доклады по утрам, там никто не спит, там общения нет между арестантами, нас там пиздели, они молчали. Слухи идут, и у всех падает боевой дух, падает дух арестантский. Если так происходит, «крышу» перекрасили, будут лагерь перекрашивать. Сначала буйных самых ломают. Нас тоже под «крышей» пытались. Это история про общее, а не про то, что ты в одиночестве можешь что-то сделать. Если у тебя совесть такая, что ты на первое место ставишь свою безопасность, чтобы у тебя баланда

была, передачи были (могут тупо разрубать твои передачи, причина — человек в СИЗО, ему передачи не положены, или пакости делать мусорские). Ты же понимаешь, что если будешь себя нормально вести, у тебя будут привилегии, даже под «крышей». Они постоянно на этом играют. Или наоборот — хуево делать, дают указание инспекторам-продольным, чтобы они тебя постоянно кошмарили, а могут не делать.

У меня всегда было выигрышное положение, потому что я «политический», на воле имею знакомства с правозащитниками, у меня есть родственники, друзья, адвокат, общественная поддержка, и легавые это понимают, они знают, если что, я подниму вой. И не от себя лично, придут просто пацаны скажут, братан, давай скажем правозащитникам, и мы им такое сейчас расскажем. Всегда есть, на что жаловаться зекам на администрацию.

а администрацию. Благодаря этой теме душ сделали нормальный под «крышей» в Ангарске. Душа не было, была струя и нагревающий бак на 10 литров на 20 человек. Поставили второй бак, сделали ремонт, но потом дали мне 15 суток, спиздили у меня шерстяные носки при обыске, мелкая такая месть. Я пользовался тем, что постоянно кошмарил мусоров правозащитниками. Смотрящий за «крышей» говорит, я сейчас пойду общаться с БиОром, давай я им скажу, если какая-то хуйня будет, ты начнешь звать правозащитников, писать заявления, чтобы они дальше проталкивали это в прокуратуру. БиОРу это вообще не надо, он общее пропускал, мне лично приносил письма и газеты. Все угорали: о, твой почтальон пришел.

Последние несколько месяцев, отсиженные под «крышей», это хорошее время. Самое тяжелое время — ЕПКТ17 — областной БУР18.

На Бутырке первые дни вообще тяжело было, постоянно спишь. Сон — это защитная реакция на стресс. Тяжелый такой сон, тревожный, со сновидениями о Воле, семье, друзьях. Потом просыпаешься, и видишь вокруг себя таких же, как ты, шконки, эти тюремные желтые прокуренные стены. Просыпаешься и думаешь, бля, я в тюрьме, не может быть, как так, не верится, короче. Там, кстати, еще сам потолок, стены от курева желтые уже, там такой налет многолетний. Плюс сама краска — желтый мерзкого вида, и когда просыпаешься с тяжелым липким чувством, стремно, на проверку в девять утра, в шесть утра завтрак. Первые дни живешь вот так: просыпаешься на эту проверку, потом опять спать заваливаешься и просто сидишь, тупишь, чай пьешь, ничего не делаешь. Потом прогулка перед обедом, обычно перед обедом. На прогулку надо ходить каждый день, чтобы дышать свежим воздухом. Там постоянно курят. Двадцать человек курят. Походишь в большом двореке (на централах они на крыше находятся), возвращаешься, обед. Хлеб в Бутырке тогда был еще в 2012-2013 году прямо как кирпич мокрый такой, его сжимаешь и капает с него, сырой, не пропеченный нормально. Там своя пекарня. Какой-нибудь борщ вонючий, просто вонючий, Бутырка вся пропахла этим борщом, щами, борщом мерзким, они постоянно туда добавляют комбижир, везде в баланде вообще комбижир этот. Комбижир — это просто смерть. Были любители наебнуть свою порцию, потом чужую. Сахар с утра выдают, два спичечных коробка на человека, получается. Я сахар не ел, на общей хате просто берется сахар, засыпается в подобие чашки из-под доширака, где побогаче хата — пластмассовая чашка заказывалась. Сахар всегда на дубке стоял для мужиков. Кто сколько сахара успел взять, столько и брал. Обычно в передаче затягивают сахар, я старался

побольше сахара затынуть — 20 кг в месяц. Сахар, чтобы в чай кидать. Постоянно хуячишь чай, постоянно пьешь чай, с сахаром, без. Глюкозы постоянно не хватает. Глюкоза — одна из таких важных для зека вещей. Особенно я понял это, когда был под «крышей», где нет ни чая, ни глюкозы ни хера — ломает от нее. Конфету раз в неделю увидел и все, ништяк.

Обед. Потом полхаты, если не больше, не выдерживает тяжести обеда и засыпает. Обед — враг для расслабленного зека. Лучше просто тусить, книжку почитать, пообщаться с другими зеками. Телевизор у нас стоял такой плохенький, маленький. Неинтересно было его смотреть. К вечеру все просыпаются, движуха начинается: чай заваривают, начинают дымить на вокзале, полночи галдеж в хате стоит, вечером дорога открывается. Я сначала на нее издали смотрел, не шарил. Там дорожник был москвич, второход, лет за сорок, Леха его звали, у него хата на Тульской, наркоман старый, у него постоянно руки пухли, как перчатки красные огромные, заехал тоже по наркотикам, полжопы отстреляно у него, из «кедра»¹⁹ в девяностых шмальнули легавые, сидел за разбой. Он вообще предприимчивый такой чувак, на дороге стоял, дали ему года 4-5, по телефону договаривался насчет того, чтобы весь срок сдавать квартиру и на эти бабки жить в тюрьме, с матушкой своей договаривался, чтобы она квартиру сдала. Он был два или три месяца на Бутырке уже, проблемы со здоровьем начались, может у него гепатит был, еще что-то..., но я видел то, что у него пухли руки, ноги, у наркоманов постоянно какая-то херня, в тюрьме особенно. В тюрьме вообще здоровых людей не бывает. Но у этих особые проблемы, связанные с их хобби, страстями, предпочтениями к веществам.

Весь день проходит так: движуха начинается часов с семи вечера, телевизор кто-то смотрит, в нарды играет, общается, курит кто-то постоянно. Хоть сигарет в хате мало, все сигареты отдавали по большей части на общак, не все, но какие-то сигареты заходили с общего, старались растянуть, чтобы на все дни были сигареты по две-три штуки в день у зеков. Движуха вечером начиналась, писали малявы: тусани сигарет, чая и т. д.

Я там с Кириллом общался, еще с кем-нибудь, ходил по хате туда-сюда, читал. Была местная библиотека, там были какие-то книги, но книги вообще все убивают: большинство людей к книгам относятся как к папиросной бумаге, как к туалетной бумаге, просто к каким-то вещам, которыми можно что-то вытереть, сложить самолетик. Книги рвут, портят, не читают, им похуй, так процентов девяносто делают, десять процентов все-таки понимают, что такое книги в тюрьме и что их надо беречь, были такие бывалые, которые реально могли рамс молодежи устроить из-за книг, которая вообще не понимает, что делает, сидят на них, всякую хуйню творят с ними, всякие непотребства.

Братва говорила, что на ногах постоянно кто-то должен быть днем (не спать), чтобы если легавые будут начинать шмон на централье, чтобы уши были на макушке. Обычно шмон устраивают или рано утром, или после проверки, после обеда, чтобы взять врасплох. Или тормоза откроются, никто не подойдет, а они увидят всю хату, где какие запреты, где заточка, где кустарка, самопал запрещенный (четки, стос²⁰, блокноты и т. д.). У одного сокамерника была лампа своя, он как-то затынул цоколь, лампочку с проводом и вилкой, чтобы читать. По 159- й²¹ заехал, знал, как жить в тюрьме — предприимчивые люди, они и в тюрьме такими же остаются. Он к тюрьме относился очень здраво, как мужик, без романтического напускного пафоса, а просто мужик заехал в тюрьму и знает, как жить, и

своего не упустит, и внимания воровскому миру уделит, кого-то чему-то научит, при этом у него всегда свое. Такой, на котором русь держится, на своей земле мужичок. Разные типажи людей в тюрьме сразу просекаешь, в тюрьме человек сразу весь какой-то выпуклый психологически становится, сразу видны все его качества, на воле ты сразу не увидишь в человеке, а в тюрьме ты с ним в сообществе, каждый день видишь его и быстро складывается образ. На воле так годами может быть, а там за месяц, за дни можно узнать человека.

Первое время обживался в хате, с мужиками общался, гнал по воле, конечно, немного. В час-два ночи мог лечь, первые дни я осматривался, не понимал, что происходит. Говорится обычно — живите тюрьмой, если первый раз заехали, не тупите, смотрите, что вокруг происходит, на общей хате весь поток происходит, можно нормально жить, все должны быть при деле, должны быть полезны хате как личность, а дальше хата должна быть полезна всему централу. На общей хате время быстрее летит, я там просидел 10 месяцев, они для меня прошли быстро. Через полгода я стоял на дороге. Сам вызвался быть дорожником, потому что там стояло человек пять, общалось, среди них был смотряга и сетовал, что скоро уедет Леха-дорожник и будем без дорожника, я говорю — ну я могу быть дорожником, он это запомнил и потом меня подтянул, и мы общались по поводу дороги. Дорожник на общей хате — такая профессия. Это был какой-то багаж, хорошее портфолио, которым я мог пользоваться. Можно быть слоником таким в хате, ничего не делать — ну понятно все с тобой. Через два дня, как в хату заехал, я уже на тормозах сидел, стриг поляну, кинул ухо на продол и слушал, что там происходит и орал по всей хате, что тормоза открываются. На продоле постоянно что-то происходит: если будний день, адвокаты, следаки приходят, постоянно тормоза открываются на общей хате, что-то говорят. И я уже через два дня сидел, но я знал, что если тормоза расклацываются, и ты слышишь, что кто-то подходит, надо просто встать и орать «тормоза!» и первым закрывать собой проход, это я уже уяснил за один день. А кто-то мне говорил, что я заорал «тормоза!», бля, я думал, что ты орешь тормоза, типа, тормоза, хватит спать, давайте просыпайтесь. Забыл, кто это говорил, какой-то молодой чувак к нам заехал в хату. Почему я сел на тормоза: я не обязан был сидеть, потому что я из новеньких, понятно, ни шарю ни в чем, доверять такие вещи, как тормоза, не надо новеньким, что-то отчебучу, забуду, буду сидеть курить, были такие у нас личности, которые прямо на тормозах в телефоне сидели, смотряга это увидел, орет, вы че творите. И просто я сижу на тормозах и крикнул тормоза, и все там собрались, смотряга проснулся, полдня он обычно спит, потому что всю ночь с кем-то общается, ходит, что-то делает. Он такой просыпается, видит, что я на тормозах, собрал всех, говорит, так, че за хуйня. Мне за это никаких претензий: человек никуды не соображает, первоход, претензии к тому человеку, который меня посадил на них, кто-то съебался, схитрил, сидеть не хочется, посажу-ка я этого молодого, пошел куда-то по своим делам. Че за хуйня, почему вы все знаете, что к чему, посадили его — предьява всей хате. Через два дня в итоге нормально, я так там и остался на движухе, ха. Я десять месяцев просидел в общей, в одной хате, меня никуда не переводили, не кидали никуда. Иногда кого-то переводят, а некоторые год сидят в хате.

Сложно готовиться к суду, к своей защите в нем в тюрьме. Потому что в принципе тяжело сосредоточиться на чем-то непростом для тебя и новом. Нервничать начинаешь, потому что не понимаешь, как себя можно защитить, доказать обратное своему обвинению. Ко мне

адвокат приходил, с ним готовился, он меня натаскивал, как себя вести в суде, что говорить. Я через него как-то изучал, выяснял, штудировал УК более-менее. Можно вообще прийти, и тебя будут судить, и ты вообще не понимаешь, за что тебя судят. Так и уедешь на этап обвиненный и осужденный непонятно в чем.

У нас было простое дело: драка, хулиганство в клубе. Томов в деле немного было. Помню, что когда второй раз заехал, было 7 томов всего. А я видел всяких обвиняемых по мошенничеству, где подельников целая футбольная команда еще, они с собой к адвокатам сумки китайские клетчатые с томами своего дела таскали. Следаки коробки приносили им на ознакомления тоже.

По-моему, я был на дороге до последнего своего дня в хате. Под конец я уже не был дорожником как таковым, но еще был на дороге, то есть я просыпался, когда мне надо, и занимался ею вместе с пацанами, которые конкретно ею рулили. Помню, с нами был такой Никита из Воронежа, мы с ним периодически общаемся до сих пор, он заехал по растрате. Он работал скорее всего менеджером в какой-то компании, и узнал, как можно деньги снять, он снял тысяч пятьсот, съебался на них в Европу, кутил, потом зачем-то он поехал в Киров, и в Кирове-то его и приняли бухого. Он с высшим образованием, друзей у него никаких не было, матушка одна в Воронеже, но при этом он с башкой своей дружил, не дебил. А я смотрю он заехал в нормальных шмотках: джинсах ливайс, ботинках хороших, в рубашке нормальной, куртке кожаной.

Потом еще одного подтянули, тоже Леху. Он был по какой-то растрате или по мошенничеству, нормальной такой. А потом мы цыгана молодого подтянули, за кражу какую-то он заехал, у него батя лет пятнадцать сидел и сидит до сих пор, звонил батя его с лагеря, узнавал. Ко мне подходит этот цыганенок и говорит слушай, мне батя говорит на дорогу идти стоять надо, я говорю ну давай посмотрим, если тупить не будешь, то нормально все будет, он реально суету наводил, маляв куча приходит, и он тащит, все эти малявы раскидывает по шконкам или просто помогает, записывает, то есть вообще охуенно было, потому что Леха-растратчик уже на другой централ уехал, в Медведково, а оттуда уже на этап через два или три месяца. Он меня попросил какую-то книгу потолще, чтобы почитать полгодика. Срок ему еще не дали, он думал, что года три дадут. У меня книг такая стопка стояла рядом со шконкой, штук тридцать наверное. Дай мне вот эту хотя бы — самую толстую — показывает на «Улисса» Джеймса Джойса, ну ладно бери, может, чего-нибудь поймешь. Взял он «Улисса» и уехал.

Помню, зимой к нам в хату заехал офицер Минобороны, его перекинули, видно было, что он военный, как он вел себя. На него было какое-то давление, потому что его не просто так в нашу хату перекинули на пару дней, он прихуел от количества узбеков с таджиками у нас (пять или шесть человек), а он сидел в хате, где одни русские были, он сидел в хате с нашим парнем, подельником Иры Шавочкиной²², когда офицера перекинули обратно, и мне писал этот парень, ни хуя вы его там прочистили, что он радостный вернулся. Он прихуел, там он сидел у него все было: хорошие сигареты, хорошая еда, еще что-то, а на нашей хате со всеми поделился. А там у него все нормально было, платил какую-то ренту. То ли в наказание, у него странная тема была, не просто так его к нам закинули, не под пресс, а под худшие условия.

Другой наш товарищ сидел в хате, где одни узбеки с таджиками, ему специально такую хуйню делали, но там были еще два грузина, с которыми ему вообще нормально было. Раза два или три с ним пересекался, он нормально себя чувствовал там. Долбила23 был некоторое время, сидел на спецу, а мы на общих хатах, и он был не на нашей стороне продола, дороги не было к нему прямой, малявы передавали через людей, которые ездили на суд и передавали их на хату и в другой корпус, поэтому было очень сложно поддерживать общение. Я с ним практически не общался, одну маляву от него поймал и по моему ответил, но ответа не получил от него. Наш общий знакомый, который тоже сидел в тюрьме, советовал мне с ним не общаться, так как он не по нашей жизни идет. Он какую-то хуйню свою мутит, во-первых, он оказался диким националистом, презирал всех узбеков, таджиков, Северный Кавказ, а во-вторых, воровское тоже презирал, считал, что это лицемерная хуйня, бля, да везде лицемерие может быть. Самые хитрые прорвутся в смотрящие там в тюрьме и будут творить хуйню свою, наживать свое, игры вести. Если ты за мусоров, то ты за мусоров, единственное реальное оружие против них — это общество, а он против него двигался, потому что ему не нравились узбеки и таджики. Это весь срок у него было. Его же на Брянск увезли, а на Брянске не очень хорошие тюрьмы и лагеря, в Брянске он с какими-то людьми был, я бы с такими людьми не сближался бы на лагерях.

Воровское на самом деле не сто процентов поддерживает, не все арестанты, но они подчиняются этому всему, потому что как по другому? Сами ворчат, конечно, ворчишь, я тоже ворчал. То есть ты поднимешь бучу, но мусорам сделаешь плюстик. Политика действительно в миниатюре, тюрьма — зеркало общества, то, что здесь происходит, то и там, также все. Раньше еще хуже было, сейчас либерализация большая прошла. Постоянно что-то происходит, меняется, кто-то вспоминает корни, кто-то наоборот тянет одеяло на себя, кто-то хочет, чтобы ему получше было, там постоянно что-то двигается, меняется. Тюрьмы тоже не одинаковые, лагеря тоже не одинаковые, везде все по разному, везде хорошо или плохо, но есть корень каких-то понятий. Если все херишь, готов идти на сотрудничество с легавыми, рано или поздно попадаешь в эту ловушку, когда они будут тебе диктовать, что делать, как жить и т. д. Им что главное — главное сделать план и все контролировать, через каких-то людей, они говорят тебе, давай будешь такого-то чувака прессовать. Я с ними на контакт не шел, на какие-то договоренности. Они мне ничего не делали, я сидел под «крышей» весь срок — вот, что мне сделали — посадили в четыре стены, изолировали от общества арестантского, убили мое здоровье. Ко мне ни разу следаки не приезжали, по 51-й пошел, и не пытались дальше потом меня раскручивать. Все понимали, что судья мне и так срок даст. Следаки не особо любители приезжать на централ, они обычно тебя вывозят. Меня вывозили на экспертизу на полиграф, один раз, я помню. Это мутили следаки, я отказался, потому что моего адвоката не было, они оформили отказ и повезли меня обратно в СИЗО. Мы пытались своего полиграфа достать, но дело в том, что всего несколько человек в стране имеют лицензию мвдшную, на то, что ты эксперт полиграфа должна быть лицензия, таких экспертов очень мало.

В марте 2013 года нам предъявили второе обвинения по статье 111-й ч. 324 — нанесение тяжких телесных, эпизод тоже рядом с «Воздухом» территориально был, но на три дня раньше, когда ебанули малолеток каких-то правых. Нам двоим с Лехой предъявили обвинение, нас там не было. Адвокаты заранее знали, когда будет опознание потерпевших, очная ставка. Сначала у Лехи, потом у меня. Адвокат говорит, все, что ты говоришь на этом

опознании, вносится в протокол. Мне адвокат говорит, просто спровоцируй этих долбоебов на то, что они правые, что они тебя знали до этого, и никакое это не опознание, потому что они узнали тебя среди статистов.

Я прихожу, там какой-то хуй в футболке Динамо с мамой, я ему говорю, ну че ты за мусоров топишь, что-то такое сказал ему. Тот пытался огрызнуться, его мама дернула за рукав.

Самый прикол, как меня опознавали: меня подняли в один из кабинетов, где была встреча с адвокатом и следаком, стоял я, и привели двух красных в тюремной робе, в арестантской, в тапочках, один кепку снял и все, они там стояли, видно же — тюремная роба. Вот это опознание! А я во всем вольном. Естественно, он меня опознал. И помню еще, следак приходил, другой уже, там же у меня два или три раза следаки менялись, сначала был какой-то мужик, потом женщина, потом какой-то парень, я не понял, зачем он приезжал, подписать какую-то экспертизу очередную я должен был. Он тоже приезжал по весне или по зиме уже 13-го года, он меня спрашивал про зин Made in Moscow²⁵, там написано, что ты его делал. Я: докажите. Я сразу подумал, что он хочет 282-ю²⁶ мне, а еще он меня спросил, участвовал ли Алексей Федорович в издании этого зина, и говорит, что читал номера, интересно, расскажи. Я говорю, ничего не знаю. Я думаю, не просто так же он спрашивает: опера и следаки просто так ничего не спрашивают, явно хочет к чему-то подвести, явно к 282-й, понятно все. Потом Алена в Бутырку привезли, я с ним сидел. Когда через десять месяцев меня перевели, тоже было интересно: перевели на спецпродол, в трехместную. С 2014 года камеры стали четырехместными, наварили шконку четвертую. Приехала Каретникова²⁷ и еще какие-то правозащитники, она пришла и еще кто-то, меня завели в кабинет к зам.начальника Бутырки вроде, спрашивают, как дела. Говорю с легкими проблема, курят очень много в хате. Через два дня меня перевели в хату типа некурящую. Очень прикольно было: я как раз передачу поймал, на следующий день меня переводят со всей передачей. Часть передачи в хате оставил, поехал с этой передачей, полблока сигарет было с собой. Заезжаю в хату, че мол, некурящая. Там полный голяк в хате, два чувака сидело, и просто голяк вообще, у них ничего нет. И я как раз с передачей, и они довольные такие. Один узбек, сидевший за угон, был, помню, второй из Украины за кражу телефона из кармана в метро. Там разные люди совершенно. Меня с общего туда перевели. Я не знаю, почему меня перевели, и никто не говорит никогда почему. Я десять месяцев сидел, я там просидел бы весь срок. Уже все «болотники» сидели на Бутырке²⁸: Полихович сидел, Барабанов сидел, и я с ними общался уже по малявам постоянно. И они: как ты там сидишь-то, это ж пиздец. Я говорю, ну а что, все наши сидят. Четыре товарища сидели на моем корпусе, на нашей стороне, где дорога: я, Игорь, Любер и подельник Иры Шавочкиной. Вчетвером мы сидели на одном продоле, и на этом же продоле сидел чувак из Юнион, который всех сдал (у них делюга была: в метро с конями дрались²⁹). Там их трое или четверо заехало, он их всех сдал и вышел на полгода раньше, долбоеб. Эти все трое себя вели достойно, причем у меня кто-то интересовался из грузинов, уже не помню точно, какие-то люди из воровского мира, правые ли они. Я говорю, конечно, правые. Ну а как там: этот и этот нормально сидит, выделяет на общее, все выделяют на общее. И я общался с этим стукачом. Я от него узнал про писателя Сергея Довлатова, он прислал мне книжку, я прочитал ее, и мне понравился Довлатов.

С хулиганом из Юнион я как познакомился: стоял на продоле, и стоит чувак здоровый в поло, с татуировками, ни одной правой татуировки. Стоит в шлепанцах на голую ногу и видно, что выключатель советский набит. Я его спрашиваю: слышь, что у тебя выключатель значит. Он говорит: я выключаю людей этой ногой. Я поржал, говорю, нормально. Он говорит: здорово, Сократ. Я: О, ты меня знаешь? Он: Да, а я из Юнион. А я вообще не слышал про эту историю. Я — ему: за что заехал? Он: Подрались с конями, махались. (Им 212-ю шили30). Я говорю, понятно. Он тоже на общем сидел, а его подельники, не знаю, где-то на спецах сидели, не видел.

Потом в нашу хату заехал угарный чувак Граф, лет 35–40. Я уже на дороге стоял, и он заезжает в нашу хату, и до этого один, который с нами сидел и имел вес в воровском мире, сказал, сейчас заедет чувак такой, Граф, будешь с ним общаться. Я говорю ладно. А с этим я нормально общался, он заехал со своим телефоном, причем в носке, угарно выворачивает носок — телефон. Я с этого телефона периодически в интернете сидел, он еще постоянно ворчал, что я бабки его трачу.

Я сначала не понял, почему я с ним должен общаться. А потом он приходит и говорит здорово, Сократ. А у нас с ним общие знакомые или что, он весь на моде. Взрослый мужик, в татуах. Заехал тоже по мошенничеству, работал мелким чиновником, махинации с жильем какие-то мелкие устраивали. Я так и не понял, зачем я должен был общаться с ним, смотреть за ним. Видимо тот человек свои игры какие-то вел. Единственное, на что его разводили — сигареты каптэн блэк, которые Граф курил. Он говорил, мне здесь не нравится сидеть, я хочу обратно на спец. Рассказывал, как охуенно на спецу, как он «болотников» видел там. На спецу вообще другая жизнь, по сравнению с общей хатой — небо и земля. С одной стороны там комфорта больше, спокойнее, но экстремального веселья нет. Сидишь телевизор смотришь, книжки читаешь. У меня, когда переехал на спец, повысилась быстрота чтения книг, потому что делать вообще нечего.

Когда я заехал на спец, там сидел чувак из Украины, Лысый погоняло у него было, я сразу понял, что он не очень, уже сидевший, в этот раз сидел за кражу телефона в метро, и этот узбек угонщик, тоже сидел второй раз за угон. Пьяный залез в тачку и сидел там, его и взяли. Тачка открытая причем была. А Лысый мутный. Хата голая, там сидели не бродяги, не крутые чуваки, не бизнесмены, просто два преступника, которые на общей хате — масса. На дороге Лысый был. Первая же ночь, мы спали, Лысый что-то пробубнил: заебала эта дорога, спать лег. Мы с узбеком уснули, он всю ночь один на дороге сидел, трасса не очень проходная через нашу хату, но некоторые вещи с общих хат идут через нас. Я тогда не особо понимал, что это очень важно, поэтому забил и спал. Мы просыпаемся с узбеком утром чай пить, килограмма халвы нет. Я понимаю, можно съесть килограмм халвы, но если ты не думаешь о других людях. А мужик в тюрьме сидит, и с ним еще два арестанта. А я говорил, пользуйтесь всем, все общее. Узбек говорит, зря ты сказал, что это общая халва, надо было сказать, что это твое. Потом он что-то еще сожрал, я ему сказал, на этой полке общее, на этой — мое личное. Я начал интересоваться, как он сидел. Он сидел за разбой в Архангельске 9 лет. Я говорю, что делал. В коптерке сидел. До меня дошло потом, что коптерка — не очень хорошо. Я потом начал убираться на дубке, нашел восемь или десять листов прогонов про то, кто в хату заехал. Он уже прогнал их по всему централу, все хаты просмотрели дорогу, прогоны надо уничтожить, а он оставил. Я давай просматривать даты.

Смотрю, заехал по 159-й, просидел там неделю, уехал, еще один по 159-й, еще один, еще, они сидят неделю — две недели и уезжают, а он остается в хате, он дорожник, вообще нечистая хуйня. Естественно, я ему предъявил за то, почему он не уничтожил бумаги, при первом же шмоне все это будет на руках, нахуй это надо. Он: да, все равно, это все знают. Я ему говорю: ну ты же знаешь, как дорожники делают: уничтожают все бумаги, нахуй им видеть все. А если комиссия какая-то зайдет из прокуратуры, из управы, еще кто-нибудь, достанут все это. Ты весь централ подставляешь, что есть дорога, что мы пишем курсовые, кто заехал. Я взял все уничтожил.

Я ему говорю, сколько в хате сидишь. Он: столько-то столько-то. А в хате ни чайника, ни телевизора, а эти заезжают по 159-й, выезжают, заезжают сюда, как на заморозку (нет телефонов, нет бытовых условий, которые были на общей хате). Пиздить нельзя людей, насиловать нельзя, но можно им сделать такие условия, где нет нихуя ничего.

Если ты в таких вещах открыт, что тебе нечего скрывать такого, то тем лучше, любой порядочный арестант про себя рассказывает. И смотрю, и этот периодически раз в неделю ходит куда-то, один раз он вообще круто отмазался. Он ушел, узбек сразу говорит, ну ты понимаешь, что он стукач ебанный. Почему он тогда на дороге стоит, все малявы знает? Он говорит, все в курсе, соседи в курсе, приходится отправлять. В соседней хате сидели порядочные. Потом с соседями порешали, что он не будет стоять на дороге.

Мы его легко сбили, потому что он косячил. Вторую или третью ночь я смотрю, с соседней хаты малява идет, он ловит маляву, открывает. Как здраво делают на дороге: видит маляву, записывает ее (такая-то малява), по суперкрутому он должен записать время, в которое она зашла, и сразу же отправляет ее дальше. А этот берет маляву, кладет ее на стол, сидит дальше смотрит в потолок, смотрит телек дальше сидит. И вот он собирает пять маляв и потом только отправляет, а это полночи. Нельзя так делать. И чувак только ответ получает только под утро или на следующую ночь, а мог бы получить через два часа и сразу написать. Надо поддерживать переписку, общение, а это препятствие общению, жесткий косяк, препятствие общению между другими арестантами, ты должен все делать, чтобы ходил, общение между зеками, это благое дело. А его лень не оправдывает его, мне кажется, он специально это делал, тормозил общение.

Я ему сказал, зачем ты так делаешь? Он: неохота туда-сюда гонять, коня портить, я соберу пять маляв за полночи и отправлю. Я не знал, может, так принято на спецу, а потом мы с соседями пересекаемся в бане (соседние хаты могут случайно в бане пересечься: одни выходят, другие заходят), и сосед начинает предъявлять этому хохлу и мне говорит, ты из такой-то хаты, я выяснил, ты дорожником был, что за хуйня. Я говорю, почему ты мне говоришь, я третий день только в хате, сейчас все нормально будет. Потом я Лысому говорю, почему нам, всей хате за тебя предъявляют. Почему ты косячишь, не я, не узбек. Один косячит — всей хате предъявляют, естественно, типа, что вы за ним не смотрите. И все, он просто сошел с дороги, я встал на дорогу, мне узбек помогал. Лысый ходил раз в неделю к оперу, рассказывал. Я его один раз подколот: что, где был? Он: да вот правозащитники приходили, из Яблока. Я говорю: да, и что говорили? Он: у меня такое сложное дело. Дали ему то ли уголовный кодекс, то ли уголовно-процессуальный, я уже не помню. Дает мне кодекс и говорит, ты знаешь, такой-то такой-то приходил. Назвал мне кого-

то, да, я знаю такого, слышал, говорю. И я смотрю — реально УК или УПК, но не 2013 года, а 2009 года. Я представил картину, как опер достает из ящика, так, на тебе, чтобы не было подозрений.

Позже узбека переводят, заезжает дагестанец в охуенном твидовом пиджаке. Самый шик в тюрьме — ходить в спорткостюме вельветовом, который не для спорта. Вот у него тоже такой был, но прожженный. Заур его звали, охренный пацан, заехал по 213-й, подрались, из травмата пострелял в каком-то кафе на Нагатинской. На этом же районе жил, его там все знают, говорил, что его давно хотели закрыть опера местные. С общей хаты его перевели, он дико негодовал, что его перевели.

Как-то отдыхаю утром, Лысый вижу сидит за дубком. Сплю, но одним глазом вижу, что что-то пишет, конверты попросил у узбека. Думаю, ну, письмо пишет, хуй знает кому, кому он может писать. Дописал свое письмо. Сложил в конверт и положил на дубок. Потом я встал чаю выпить, смотрю, кто адресат на конверте, а там прямо в Кремль, Владимиру Владимировичу. Ну, думаю, дальше оперчасти это письмо не уйдет. Знаем мы этих Владимировичей. Через два дня после этого письма открывается шнифт, говорят, все на выход с вещами. Кто на выход с вещами? Все на выход с вещами. Мы все начинаем собираться, кричим соседям, что перекидка из хаты с вещами, все трое собрались, выходим на продол, Лысому говорят, ты оставайся. Мы такие, ясно, ну, пока. Нас раскидывают: переводят этого сокамерника через три хаты на продоле и меня дальше на конец продола, рядом с Аленом хата. Захожу туда, там никого, куча газет каких-то грязных, весь вечер убирался там, телевизор по-моему был. Я один просидел в этой хате сутки, начинал уже с ума сходить. В хате надо мной через этаж Полихович, я там дорогу сплел, нашел кусок дороги, доплел, ставить-то просто было, спускали руками, и Алэн рядом. Вроде бы и один сидишь, а вроде бы и рядом все.

Переводят в другую хату, как будто в другой мир попадаешь, а тут никого нет. Потом к вечеру или на следующий день завели другого человека, с таким фингалом под глазом — калмыка.

А Лысый остался в той же, дальше наблюдать и докладывать. Он потом имел наглость сигарет у меня просить, я, конечно, ему отправил несколько. Человек все-таки.

Шмоны не особо часто, местные шмоны вообще фигня, они дороги не отшманывают, просто им даешь пачку сигарет. Я когда сидел, была пачка парламента всегда. Когда в хату заходили со шмоном, ничего не трогали. Даже заточку оставляли иногда, чтобы порезать хлеб, например, но не человека: тебя блядиной объявят, если поднимешь заточку на человека. Конечно, режут периодически зеки друг друга, но очень редко и по весоному поводу своему личному какому-то. Дальнейшая судьба нападавшего потом долго разбирается на арестантских сходках.

Когда я последний месяц сидел на лагере, новость пришла, что на шестерке, в лагере прямо рядом с моим домом, где я раньше жил в Иркутске (там больница и строгий режим для вторыходов), петух заточкой насмерть попырял, потому что узнал того, кто его по беспределу опустил. Гадина раскручивал на централье людей. Это очень редко бывает, но

бывает.

Делюга 12-го года очень долго шла, затягивали, как могли, сначала они, потом мы: мы узнали с Воли, что в 14-м году будет амнистия, туда наши статьи как раз попадали (213-я).

С Полиховичем мы в Бутырке познакомились, он был в футболке или толстовке с Дуррути, наш человек. Барабанов крутой, но какой-то не от мира сего что ли для меня, уж очень внутри себя, сейчас я уже так не думаю, после того, как мы с ним на Воле пообщались и потусили вместе. Больше с Полиховичем общался, с Аленом плотно, с Любером общался, он так и остался на общей хате сидеть, пока его не перевели в Подмоскovie, в Егорьевск что ли. По моему совету он стал дорожником еще раньше, Алексей Федорович тоже на дороге стоял, самая для мужика тема на общей хате и вообще — быть дорожником, если тебе интересна эта движуха, кто, что, куда на централе, сразу все ясно становится, и время летит быстро. Если ты дорожник, например, всю ночь стоишь на дороге, дорога на Бутырке открывается после отбоя и до утра. Ты всю ночь стоишь, естественно ты весь день спишь, движуха идет нормальная.

Облавы на дороги не делали сразу по всему централу. Зависит от времени, бывают, что они устраивают пиздец, бывает, что отъебываются от этой дороги и не трогают ее вообще. Просто режут сами дороги, сверху, снизу, могут даже не сами резать, а козлов заставлять это делать, врываются в хаты. Можно на распор ставить хату, чтобы не было незваных гостей. На Бутырке не было у нас таких случаев, а там, где я сидел потом (на ПКТ, на ЕПКТ) постоянно врвались. Там редко когда дают жизнь спокойно, выматывают психологически. Постоянные обыски, шмоны, личные досмотры, перевод из одной хаты в другую каждый день³¹. Инспекторам, которые работают под «крышей», тоже неохота всем этим заниматься, они бы сидели бы у себя в кабинетике, радио слушали бы и телевизор смотрели, им тоже неохота особо участвовать в этих мероприятиях.

Видеорегистраторы они включают, когда проводят действия с заключенными. Включают регистратор, говорят время, фио, открывают хату.

Там робот стоит, он состоит из двух частей: общей и решетчатой, между ними можно домино и ложку вставить, получается клин, они ключ не могут повернуть почему-то. На спецах робот один, нет решетчатой двери, второй, там вбивается домино вверх или вбок, надо туда грамотно вбить, чтобы они не смогли открыть ее. Это делается, чтобы они не открыли, пока достаешь, запреты поднимаешь, курок делаешь. Если знают, что мусора могут ворваться на дорогу, а у тебя там груза идут, важные малявы. Терять неохота, потому что тебя спросят за это, поэтому лучше поставить на распорку, он долго будут открывать эту дверь, ты успеешь за это время все убрать, отправить дальше, убрать дорогу. Дорогу чуть дергаешь, и этот простой, но хитрый узел, одни раз дернул, он отвязался, и дорогу забрали соседи, но бывает, что они сразу в две-три хаты врываются, тогда надо хитрить: топить, убирать, съесть, бывает, я ел малявы, рвал сопроводы и курсовые. Они следят, что идет какой-то груз, они знают, что груз идет особый, контроль, контрольный груз.

Например, когда я на ЕПКТ сидел, там распорку почему-то нельзя поставить, не знаю почему, или мы криворукие были, в итоге просто сделали из простыней дорогу, просто привязывали, там тоже решетчатая дверь и обычный робот. Простыню привязывали к роботу, не помню, был какой-то крюк, пока они все развязывали, мы успевали все сделать. В ЕПКТ они постоянно врывались, с ножичком бегали, резали, у них еще собака была, огромный кавказец, обученная ловить груза, малявы. Идет груз, она сразу бежит и ест его, давила крыс под окнами, огромная псина, хитрая, прямо под окнами ловит этот груз, держит в зубах, а там сало или конфеты какие-нибудь идут или сгущенка, и на тебя смотрит, и ты ее уговариваешь, нормально все, отпусти типа, или нет, малявы какие-то идут, ты ей говоришь, малявы просто, нет ничего пожрать. Она на тебя смотрит, держит это в зубах, карман это да, ты думаешь, бля, отпустит — не отпустит, иногда отпускала, но обычно просто рвала, смотрит на тебя, секунд пять подразнит тебя и рвет. Некоторые в одной части корпуса на ЕПКТ отвлекали эту собаку, кормили, звали ее, она под окнами стояла, а другая часть как раз тянула, откатывались сигареты, еще что-то. На ЕПКТ дорога — это пиздец всегда запара.

В БУР были кабуры: дырки в стенах прямо пробиваются, через них все передается. На новом продоле некоторые стены были железобетонными, мы даже уголками из шконок выломанных не могли их пробить. Пластмассовая кружка давалась, ты вырезаешь дно, получается пяточок, кабуры были сделаны как раз под этот пяточок, его ставишь, мылом под цвет стены замазываешь и все. Видно, что там дыра, но нормально все, на проверках не обращают внимание, а если комиссия — просто прикрываешь.

В ПКТ, ЕПКТ разрешается держать полотенце и все, мыльнорыльное, и то мыльно-рыльное забиралось до вечера, и две книги. В УПК непонятно было прописано, две книги на каждого или на всю хату, мы постоянно ругались за это с инспекторами, качали за эти вещи, я периодически прятал книги всячески: под пол, если был курок, по разному, чтобы почитать перед сном. Бля, вспомнишь — страшно. Чай тоже под запретом, чай постоянно в трусах почти два года проносил. Чай на все хаты, не только на свою. Можешь держать продукты питания, на которые отовариться там можешь. До 2015 года отоварка была 500 рублей в месяц (с 90-х годов), на них ничего нельзя было купить. В 2015 году сделали 500032, правозащитники или кто-то продавил реформу, сразу разгул пошел. Цены там чуть выше, там еще монополия, какие-то сотрудники определенные продукты своих фирм пихают в магазин. На воле я уже потом спалил, есть фирма в Нижнем Тагиле, которая делает сладости, конфеты, которые были в магазинах ангарских колоний. Оказалось, что легавые нижнетагильские держат эту фирму. То же самое с продуктами в московских СИЗО, это вообще такой бизнес. Есть три или четыре бизнесмена, которые работают с московскими СИЗО (сизомаг), там продукты отличались чуть-чуть, но всегда один и тот же набор, и все не особо качественные, дешевые.

Успел потестить ФСИН-письмо33 на Бутырке, в Иркутской области нет ее. Надо настраивать, надо перестраивать ФСИН, надо добавлять всего электронного. Нужны реформы, чтобы электронные письма были хотя бы в каждом СИЗО страны, нужно делать переквалификацию всех людей цензурного отдела, которые начали бы работать с компьютерами, с электронными письмами.

Все мои счета были на бумажке, как в советское время, приходят бланки старые советские. Вся наша система гулаговская, не развивается совсем, это сложно на самом деле, фсиновская машина очень громоздкая, старая. Любое новшество — это бабки, но все равно нужно настроить все. Не видел ни одного умного чиновника или работника во ФСИНе, с какой-то смекалкой видел, были, а умных, которые бы знали, как реформировать, — нет, до пенсии будут думать. Им бы не сесть. При мне садились некоторые за пронос наркоты, много заехало по 3-й части, прямо туда же заезжают, на Бутырку. Есть хаты специальные, БС34 хаты, с ними можно пересечься на общем продоле, когда идешь к адвокату, еще как-то, в бане нет, между хатами можно пересечься. Лагеря у них отдельные, общий режим в Нижнем Тагиле находится у бсников, под Ангарском тройка для БС, строгий режим, есть особый режим для БС, туда все входят (и военные, и кадровые военные, и МЧС и т. д.). У них мужицкие понятия, воровских понятий нет, естественно. Что-то отличается, тоже должен быть смотрящий, с воровским миром могут быть связаны, но понимание другое совсем.

Заезжаю в хату, убрался, телек посмотрел, спать лег. На следующий день ко мне заводят арестанта-калмыка, у него такой фингал под глазом, и он мне говорит, я вот с воли типа. Я ему говорю, че-то ты пиздишь, я тебя видел на продоле три или четыре месяца назад, мне лицо твое знакомо. Говорит, так я тут сидел, но меня отпустили под подписку до суда, отсидел какое-то время. Я говорю ладно. На суде ему срок дали, и он заехал опять, все, со сроком, я говорю, надо апелляцию писать. Где сидел, спрашиваю. На спецу сидел. Я бумагу написал за него и отправил курсовую. На следующий день заводят еще одного арестанта, он тоже только с воли. Беларус из Слонима, на Калужской трассе работал в автомастерской слесарем, занимались тем, что привозили бэхи, дорогие тачки и на части резали, разбирали. Взяли краденые тачки. Он заехал, и заехали армяне — владельцы этой автомастерской. У него 158-я ч. 3, а калмык заехал по мошенничеству, они к банкоматам ставили фальшивые штуки, считывающие данные, он и какая-то баба заехала, я думаю, если покопать, там пиздец. Он шарил во всех этих темах, я его поспрашивал, в хакерских, он чуть-чуть шарит, но больше в хакерстве таком прикладном, где бабок побольше, и связанном с устройствами. У него 159-я ч. 4, по-моему. Мы так и сидели, я заехал в марте-апреле, мне осталось два месяца сидеть, с Аленом переписывался, он за стенкой, с Полиховичем, с Алексеем Федоровичем, он так и остался сидеть на общем режиме. Он сидел на Медведе, а в какой-то момент его перевели на Бутырку, он сразу в тот же день мне отписался, узнал, в какой я хате сижу, начал писать.

Людей могут переводить между СИЗО, потому что делюга уходит в суд какой-то, чтобы возить проще было, и подельников чтобы было удобно возить, у нас один суд же. Когда принимает ЦАО, то обычно в Бутырку, хотя были варианты в Матроску, если бы на севере Москвы мы судились, то отправили бы в Медведково. Я не знаю, как они там распределяют. «Болотники» по разным сидели (Акименков с Бученковым на Воднике, Гаскаров на Воднике, потом на Бутырку переехал).

Потом следак понял, что 111 ч. 3 не про нас, Ален дал показания, что он там был, пришел Гукасян с воли, сказал, что Сутуги не было, что он там был, он так на воле и остался с

подпиской о невыезде, его осудили, но не посадили. Всех осудили, все попали под амнистию по 213-й. Ален дал показания все эти, его накрыли в Троицке, хотя он должен был в это время находиться в Украине или Европе, он почему-то находился в Троицке. Алексей Федорович сидит с января, я сижу с апреля, проходит почти год, Алена в декабре берут (мы думаем с Алексеем Федоровичем, что он еще в Европе, и тут его берут). В итоге получилось так, что благодаря его показаниям с нас сняли 111-ю ч. 3, адвокат снимает ее, ходатайствует в Мосгорсуде (мы уже больше года сидим), что 111-ю ч. 3 с нас снимают, у нас остается 213-я и 116-я35 статьи, по этим статьям больше года в СИЗО не держат, все, типа, адвокат просит, чтобы нас освободили под подписку о невыезде. Алексея Федоровича сразу из зала суда выпускают, потому что у него московская прописка, он подписывает следаку подписку о невыезде, а меня не выпускают, потому что у меня нет московской прописки, и регистрация у меня кончилась на тот момент, меня только за денежный залог. Я уехал обратно на Бутырку из суда, ждать, когда залог внесут, я просто прихуел, думал, соберут или не соберут эти деньги, пять дней, а у меня телефона не было еще. За пять дней собрали деньги, перевели. Шнифт открывается, все, на свободу. В хате, как в американских фильмах, ты со всеми прощаешься, тебе желают больше не попадаться, не заезжать, кричишь на воздух, что выходишь. Можешь не кричать, я кричал. Алену стуканул в стенку, все, говорю, выхожу, Ален в ахуе, я говорю, ничего, скоро и ты выйдешь. Мы чифирнуть успели, я по быстрому собрался, вышел на продол, на продоле крикнул. Я понимал, что выйду, но не знал, когда. Понимал, что деньги соберут все-таки.

Вышел, встретили меня. Дело было еще не закрыто следаком, на следующий день поехали с Алексеем Федоровичем подписывать документы. Дело отдали прокурору, ждали, пока уйдет в суд. Одними из требований суда были регистрация в Москве и официальное трудоустройство, я устроился на работу в «Русскую планету».

Суд начался летом, пришли наши потерпевшие (охранники «Воздуха»), эти двое, предъявили корочки: один сотрудник ППС, а другой сотрудник ГНК со своими друзьями на стоун айлэнд, мы угорели, конечно. Они не были на тот момент, потом стали сотрудниками. Начали судиться, Ален за решеткой (у него было два эпизода), начали его возить с Бутырки, потом перевели куда-то, на Медведково он переехал, на Медведково намного лучше, чем на Бутырке, он потом рассказывал, я ему говорю, все от хаты зависит и вообще от режима, как там режим напирает или нет, ну и от хаты. Начали судиться и думаем, что если не дотянем до амнистии, до 2014-го года, нас опять закроют, и там срок давности по 116-й в январе заканчивается. Мы думаем, надо как-то тянуть, а как тянуть, непонятно. И тут я на регби рву связки, еду в больницу с лонгеткой, сразу справку от врача, что ходить не могу, потому что на костылях, полтора или два месяца с палочкой ходил и на суд с палочкой тоже ходил. Когда суд подходил к концу, амнистия. 1 января — амнистия, 2 января — новая история, 10 января у нас заседание, закрытие дела, Алена выпустили из зала суда. Артур его встречал, эшники там его фотографировали, потом мне показывали.

Потом я заехал, потом Артур — одни выходят, другие еще раз садятся. Гаскаров уже сидел, Бученков еще нет, разминулись с Гаскаровым на месяц, по-моему. Мы с Бученковым созванивались по телефону, я из БУРа ему звонил, у нас еще была трубка, я пару раз ему звонил, мы списывались с ним, и тут я узнаю из «Новой газеты» недельной давности36, что Бученкова задержали, охуенно, то-то, думаю, письма от него не получаю.

14 января день рождения у сына, я уже в Киеве, там Майдан вовсю. Я там особо не веселился, ходил, смотрел, что на баррикадах, на этих бонов всех, на украинцев. Пытались мы там сделать анархистскую «Черную сотню», боны нам не дали это сделать, сами на нас выебывались и через общий совет Майдана сказали, что не будет места левакам на Майдане, всех нас обозвали леваками, Майдан выдавил всех леваков в общем.

Вернулся, рассказал в Project V37 про то, как съездил на Майдан, через два дня MLM38, и на MLM меня второй раз закрывают. Сначала не понял, за что, думал за то, что на Майдан съездил, думал, ничего страшного, хули они мне предъявят. А тут они мне бац фотки с Артуром, где мы у суда, че ты не понял, второго января че делал? Я про себя думаю, бля, понятно. А там, думаю, что там, там вообще ничего, никакой поножовщины не было, телесных особых нет, мы просто их забили в угол, их было человек шесть, подносами, тарелками закидали и все, они такие перепуганные, все эти St. George skins 39, уебки, я бы мимо них прошел точно в тот день, но та тема, что они Алексею Федоровичу ножом и травматом угрожали, когда он девушку ждал в метро, и что они сфотографировались с флагом красно-черным, стояли на нем, и тут на следующий день мы их встречаем.

Терпила вообще пиздец, просто терпила, хуже, чем те уебки, которые на видео не постеснялись просить, чтобы их защитила полиция, просто перепуганные. В «Сбарро» приехали мусора, пару человек дали свои данные, кому-то досталось по голове, им оказали помощь, но никого не госпитализировали, это есть в бумагах у Скорой помощи, которая приезжала на выезд, они просто пиздели в интернете, что на них антифа прыгнула, что я там был, эшники за это зацепились. Там был азер этот, он профессиональный терпила, Олю хотел засадить, заявление на нее писал, еще на кого-то заявление писал, раза два или три точно это делал. Не только по нашей теме такие есть, везде: подсадные утки, провокаторы — обычная мусорская практика, и боны всегда рады прислуживать.

Мы приехали в отдел или на допросе на следующий день, они пристали к Артуру, что он тоже там был 2 января. Они хотели Артура к моей делюге сначала приписать, сначала меня опознали, потом Артура привозят. А я им говорю, они не узнают его, если вы им специально не сказали сказать, что он там был. И они его не узнают, естественно, но я удивился, что они его не узнали, думал, что уже было оговорено между ментами и бонами. И все, он выходит. И тут через несколько дней его дома берут по другой драке. Я бы съебался, конечно, после таких звоночков. Мусора не хотят себя чувствовать неправыми, бьет по их чести, достоинству.

Меня увезли на Петровку, я там сутки пробыл, на следующий день суд. На суде мера пресечения — два месяца ареста. Обрато туда и на следующий день на допрос к следаку, он мне предъявляет обвинение — 213-я ч. 2, 116-я, те же самые статьи, молотком бил кого-то, никаким молотком я никого не бил. Они спрашивали, кто еще там был, следак спросил, эти спросили, не знаю, говорю, меня вообще не было, я до последнего, а потом просто дал показания, что шел, гулял, встретил молодых людей, они меня узнали, мы пошли в кафе, у этих молодых людей случилась ссора с теми молодыми людьми, я вообще не при делах. Меня не пытали, не пиздели, это не терроризм же, там зеленый свет пытаться, как и по 228-й, практика пыток по 205-й40, может, по 282-й. Есть показания потерпевших, больше нахуй ничего не надо, на них все строится. Мы не смогли доказать, что потерпевшие сами были

под стрессом и прессом мусорским с политической подоплекой, на это суду вообще похуй было. После следака или после суда они мне говорят, сейчас ты поедешь в ИВС на Петровку, до десяти дней тебя там могут содержать, там мы с тобой поговорим, там уже все расскажешь, были такие намеки на пытки. Я думаю, ну все пиздец мне, надо вскрываться прямо там. И конвой: где документы с Петровки, куда везти его, непонятно. Суд меру пресечения дал, надо везти. Бумаги из суда есть, а от эшников нет. И повезли меня на Бутырку, не знаю, может, они передо мной театр устроили, чтобы я был на нервах. В итоге я поехал на Бутырку, такой, ну бля, заебись, домой вернулся. На Бутырке: Гаскаров сидит, Полихович сидит — все свои, нормально все. В тот же вечер я установил со всеми тюремную межкамерную связь. Приезжаю, там какие-то первоходы, я им рассказываю, чуть ли не экскурсию провожу по Бутырке, пока мы идем, я думал, они меня сейчас опять на карантин, а они меня сразу поднимают не на общий, а смотрю, на спец идем, думаю, заебись, поближе к «болотникам», они все тоже на спецу сидят. Заводят в хату, я смотрю, на спецу три шконки было, они четвертую наварили, уплотнение. Я им говорю, мужики, че это у вас шконка лишняя, новую шконку наварили — всем видом даю понять, что я тут недавно был. Какой-то хер начал на меня выебываться, что я людей отпиздил. Я думаю, че блять. А там сидел, когда я заехал, Саня из Серпухова, мужик вот этот, который полковником оказался бывшим или чиновником, хуй пойми кем, мошенник, третий — туркмен с палочкой, ему за 40–50. Этот военный начинает выебываться, я не знал, что он военный, просто мужик с залысиной. Я ему говорю, за что заехал: подрался, отпиздели, занимаюсь тем-этим, он говорит, че, тебе прямо здесь уебать, я говорю, сейчас за вольный образ жизни спроса нет в тюрьме, он сразу — чик, Саня — да-да-да — такой, он на дороге, смотрю, дорога у них открывается, все рассказал, с Саней быстренько сразу нашли общий язык, с крадуном. Потом выяснилось, что тот полковник, я подумал, все понятно, до свидания. В итоге я его начал тюремной жизни учить, потому что он вообще ни хуя не понимал, он приехал с Матроски, у него 105-я41 и 159-я, естественно, он продавал какие-то должности по делюге, я потом через адвоката пробил, кто он такой, что есть такая делюга. Полковник вел себя по дурацки, неправильно. Будь проще, и люди к тебе потянутся. Чем ты проще, тем люди к тебе лучше относятся, в тюрьме так. Он один раз сказал что-то вроде надо всем строем ходить, я ему говорю, ты что, попутал, мы в тюрьме сидим, каким строем, ты чего говоришь. Саня поддерживал меня.

Саня — хороший человек, ВИЧ, гепатит. У него было пять судимостей, пять раз была условка по 158-й, он судился в своем серпуховском суде, это не Москва, это Серпухов, ты можешь хоть десять раз быть судим по 158-й и ходить под условкой, десять условок может быть, живя где-нибудь в Иваново, в Екатеринбурге каком-нибудь, он крадун, там не сажают таких. Если ты уже всех заебал, опера, мусора говорят, да посадите вы уже его, он заебал. Последний раз он сел за спизженное в супермаркете сливочное масло (в совокупности с пяти условками вышло четыре года). Судья говорит, ты уже заебал (тот же судья его судил). Он понимает все, что наркоман, хули с него взять, но заебал просто. Тюрьма его точно не исправит, тюрьма еще больше асоциализирует, еще больше матерый будет, потому что это тюрьма.

Военный спортом занимался, показывал, какие вещи можно делать в тюрьме без спортзала. Есть тюремная программа, свою программу потом писал Долбила. Котовский занимался силовой гимнастикой в тюрьме, тоже крутая тема.

Саня курил как паровоз с туркменом, военный не курил, мы с ним постоянно на прогулку ходили. Туркмен всего один раз по-моему вышел на прогулку с палочкой, у него с тазобедренным суставом проблемы, забыл, что за болезнь, у него все это ухудшалось, естественно. У него 228-я (героин). Говорил, что героин употреблял, чтобы боли исчезли, потом просто привык. Какие-то другие туркмены его научили героином колоться, какой-то хуйней занимался в Москве, у него баба русская была, пошляк, пиздец. Говорил, героином колешься и нормально, а тут он не мог спать 2-3 дня, ему хуевей и хуевей, бывало, отпускало его, тюрьма здоровья не прибавляет, потом он на этап уехал.

В этой хате, в которой я сидел, 302, большая дорога была с соседним корпусом, конь был 25 метров прямо через один из внутренних дворов Бутырки, каждое утро нужно ее убирать, парашютиком славливались, или застреливаешься, делаешь трубку углом и стреляешь, и ее поймают арестанты, у которых выступ по твоему продолу, и контрольку дальше ведут до той хаты поперек, чтобы быстрее было. Там еще какой-то бродяга сидел, которому нужен телефон, который хранится на общей хате на общем корпусе через три-четыре продола. В итоге у нас большая дорога была между корпусами, мы ее держали. Чтобы не славливаться каждый раз, у нас были контрольки, такие веревочки тонкие маленькие, которые не очень видно и чтобы они держались днем. Мусора периодически врывались и эти контрольки рвали. Как-то этот опер вытянул кого-то на продол и говорит, заебали со своими контролками, придет проверка, увидит контрольку, увидит дороги, мозг мне выебут весь, убирайте, если не уберете, я у вас телек заберу, и реально забирает телек. Саня про себя его нахуй послал, ему лень настраиваться каждый день, он тупо на контрольных стоял. Телек забирают, полковник загрустил, он без телевизора вообще не мог, вообще загрустил ужасно, у него депрессия началась без телевизора. В итоге через нас он двинулся так, что попросил этого опера, чтобы его перевели, и его переводят в соседнюю хату, где телевизор есть. Там сидит тоже старый мошенник, лет за 60, тоже по мошенничеству сидит, очень хитрый типок, делец из Минобороны, и они знакомы по воле даже. И этот мошенник старый о полковнике хуево отзывается, писал Сане маляву, что хуевый он какой-то, у них там нормально подбилось: еще сидел из Алании Адам, нормальный мужик, и еще кто-то — все мошенники, все при бабках, у них хата заряжена нормально, и этого четвертого переводят, а им нахуй четвертый не нужен был, в итоге они полковника сплывили на общую хату, а он все время на спецу сидел, тюрьму не чувствовал. Хочешь почувствовать тюрьму, сиди на общей хате, на спецу ты тюрьму не увидишь. Его отправили на общую хату, такую, где сидят одни узбеки с таджиками, он там прихуел вообще, говорят. Адам угорал, что тот хуйню нес, жаловался, что курят в хате, еще что-то, в итоге старый мошенник решил сплавить его на общую хату, эти люди могут порешать.

К нам заехал потом нищий армянин, крадун, только-только с гор Армении спустился, какую-то хуйню натворил, он по русски даже не говорил, мы его русскому языку учили в хате, он писать по русски научился даже. Мы втроем сидели, туркмен уехал.

В итоге с воли Алексей Федорович с Алиной и Димой купили телевизор, чайник. А это надо как-то все пропустить. Мусор этот не пропустит ни хуя, опер этот пиздец злой на меня. Он хотел сотрудничать, хуйню какую-то от меня хотел, я такой — почитай мое личное дело, там все написано, какое может быть сотрудничество. Опер по общим хатам помнит меня с прошлого года, орал на меня, чтобы я покаялся наконец, я говорю нет, он говорит в Сибири

сгниешь (не знал, что я из Иркутска). Приходит ОНК, я им говорю, у меня телевизора нет, чайника нет. Онкшникам говорю, можете договориться с начальником СИЗО? Два дня проходит, они проверяют чайник и проверяют телевизор, телевизор они так проверили, что даже оставили usb-вход, куда можно флешки вставлять, охуенно, и тут мы зажили, конечно. Я говорю Сане, давай без контролек, я буду тебе помогать. Мы сделали рогатку, пристреливались из нее. Потом Саня на этап уехал.

Саня знал, что гепатитом болеет, в тюрьме узнал, что у него ВИЧ. Он так же жил, так же курил. Есть спецпак — диета (кусочек масла, молока пакет, яйцо — это все чередовалось) плюс баланда, жить можно, при обострениях можно добиться, чтобы давали химиотерапию. Я уже сидел на буровской больничке с таким чуваком, у которого была химиотерапия. Тубики отдельно сидят, ВИЧ похуй.

Как-то встал с утра, умываюсь, решил воду из-под крана попить, он просыпается, смотрит на меня и говорит, ты бы не пил воду, вредно ж для здоровья.

Я думаю, у тебя гепатит, ВИЧ, ты десять лет колешься героином, гниешь, когда поцарапаешься, куришь как паровоз, говоришь мне, что воду вредно пить из-под крана.

Пытки во ФСИН — это просто повседневность, пытки в тюрьмах — это всегда было и будет, может, будет принимать разные формы. Но если взять Россию, в царское время пытки применялись, в советское время, естественно, применялись, хотя их уже не было официально, российская система ФСИН — гулаговское наследие. Я сижу в хате, ко мне приходят легавые и вешают мне правила распорядка дня⁴², которые с 50-х годов установлены в РСФСР еще.

Естественно, начинают пытаться уже при задержании, но меня особо не пытали. Операм и следаку, конечно, выгодно, чем быстрее ты дашь показания, тем лучше для них, меня начинают раскручивать уже прямо в машине. Всегда, когда задерживают, начинают спрашивать, задавать наводящие вопросы, ты сидишь между двумя мужиками на заднем сиденье в наручниках и чувствуешь себя не очень приятно. Естественно, первое задержание — шок, этим всегда пользуются, ты потерянный такой, можешь сказать что-то такое, что ты не скажешь с адвокатом. Когда согласишься с чем-то, и дальше от всего этого они будут отталкиваться на допросах. В первый раз на меня давили психологически, наручники застегнули специально так неудобно, чтобы у меня рука аж вывернулась, второй раз с одной стороны оперативник ехал, с другой — ОМОНовец, который был на концерте MLM, он достал свой ПМ, ткнул мне его в бочину, говорит, че держишься, щас шамальну, давай рассказывай, что натворил. Опер с другой стороны: ну что, Алексей, я же говорил, что ты опять попадешься, на этот раз надолго, не ушел ты от нас, зря ты вернулся из Украины — все стандартные вещи. Давай рассказывай, что ты натворил. Я говорю, ничего не натворил, десять месяцев на свободе, что вы ко мне пристали. Они: да ладно, что ты делал 2 января? Я думал, меня вообще за другое, за то, что какие-то лекции по Украине, про Майдан рассказывал, еще что-то, встречи какие-то были, оказывается, нифига. Все стандартно:

драка с какими-то малолетними нацистами без каких-то последствий для них оказалась с большими последствиями для меня. Началась вся эта раскрутка: давай рассказывай, с кем был, все расскажешь на этот раз, с кем дрался, чем били. На этот раз вообще ничего не удалось от меня ничего выяснить, я сразу начал все отрицать, вплоть до того, что меня там вообще не было. Я говорю, что вы думаете, что я без адвоката сейчас скажу что-то, что за бред, давайте прекращайте свои трюки.

Если тебя первый раз взяли, ты никак не настроишься, ты можешь настроиться чисто интуитивно: ты знаешь свои права, знаешь, что можешь не давать показания против себя, но если они тебя начнут лицом в печку пихать или бить постоянно или еще хуже, как бывает с подозреваемыми по терроризму, сразу в микроавтобусе подключают динамо-машину к тебе, уже рассказываешь то, что от тебя хотят услышать, естественно, рассказываешь без протокола, без ничего. Они сразу тебя корректируют, к следаку везут, ты уже там под протокол рассказываешь все то же самое, что они хотели.

Я сталкивался в Челябинске и Ангарске с 3–4 людьми по терроризму, всех пытали, 208-я43, 205-я, все прошли через пытки, через ток, в тюрьме они тоже это проходят, уже как судимые, но уже потому, что они дальше продолжают гнуть свою линию, жить, как они хотят. Отношение других арестантов в тюрьме к ним такое же, как и ко всем остальным: как себя покажешь, если ты нормальный человек, нормально жить будешь, независимо от того, какая у тебя статья, конечно, кроме безумных статей типа педофилии и изнасилований, хотя статьи по изнасилованиям тоже бывают разными, по статьям вообще не смотрят, как говорится, смотрят по понятиям, смотрят на человека, там могут и без всяких статей знать, делал ты или не делал, ты же живешь с этим человеком, все понятно становятся, хотя бывают такие устрицы, фиг расколешь.

Поэтому ничего удивительного, что пытали товарищей по делу «Сети»44, националистов по делу «АБТО»45 и будут пытаться, по другому они не умеют и не хотят: эффективно, быстро и без особого труда. У них, по-моему, в ФСБ целая профессия пыточная есть46. Осужденных пытаются в основном за отрицание режима, в московских СИЗО полегче: посещение ОНК, особое внимание к зекам с общественным статусом дают положительный эффект. В Бутырке не слышал про это, там может быть психологическое давление хитрое, в Лефортово тоже, мне кажется, нет, на Медведково были прецеденты: целые пыточные хаты, пресс-хаты были, целая команда зеков подбилась, которые с мусорами, с операми занимались раскруткой и выбиванием денег47. За деньги пытаются, денег поиметь хотят. В лагерях тоже за деньги пытаются. Еще давление — более хуевые условия, например, людей сажают в общую хату, где из двадцати человек одни узбеки с таджиками, с которыми сложно сидеть из-за языка, разного воспитания, культуры, среды, в которой человек на воле всю жизнь крутился.

Есть Дадин48 — просто герой-одиночка, который нашел в себе силы не сломаться и донести до общественности свою ситуацию с пытками, если бы не это, у него бы вряд ли бы все получилось.

Есть отработанная тема (в результате сотрудничества с ОНК), опять же отрицалово и лагерное понятие: если ты слышишь, что пытаются зека и ты точно знаешь, что это не

провокация мусорская, что не какой-то козел орет, что его пытаются, а на самом деле его нифига не пытаются, он просто провоцирует массы, ты видишь или слышишь, что пытаются, ты должен заступиться за этого зека, потому что, если мы будем друг за друга заступаться, будет нормально все у зеков, мусора не будут так жестить, а если мы будем попустительством заниматься, начнут всех пиздить, вымогать деньги. Это общее людское понятие, ты должен заступиться вплоть до того, чтобы вскрыться, вскрыть вены, чтобы остановить насилие. Если ты этого не сделаешь, и об этом узнает братва, другие зеки, тебе скажут, ты что охуел так поступать, ты поступил как непорядочный, каждый порядочный должен заступиться за другого зека, даже если он петух, даже если он красный. За другого зека ты должен заступиться, остановить насилие.

Меня быстренько осудили, за три или четыре месяца 49. Я иду по делу один, остальные — неизвестные лица, которых не задержали. Быстренько всех опросили, все понятно, дали срок. Ничего такого — обычная драка, дали обычный срок. Если бы я признал, дали бы чуть поменьше, на полгода, например. Сколько дали, столько дали. Я сразу на апелляцию подал, на всякий случай, реально думал до последнего момента, что меня могут отправить поближе к Москве, явно не на родину. Я даже выписался из Иркутска (находясь в СИЗО), чтобы квартиру продать иркутскую. Пришел опер и предложил мне остаться на Бутырке и уйти работать в хозбанду, на что я сказал, что мне это неинтересно и я хочу в лагерь. Он говорит, тогда поедешь на родину, по месту последней прописки. Апелляция долго идет, месяц-два сидел ждал этапа, наверное решали, что со мной делать.

Я сталкивался с людьми, которые сидели в Сибири. Иркутяне, которые мне попадались на центральной, по переписке говорили, что в Иркутске нормально на лагерях, главное, крепануться на центральной иркутском (там режим), и дальше все нормально будет. На лагерях более-менее спокойно можно жить без марширования и пения гимна.

Перед тем, как отправиться на этап, если ты занимаешься какими-то общими делами, ты должен цинкануть 50 смотрящему за корпусом, что ты уезжаешь, чтобы он в курсе был, что надо быстренько все решить, чтобы за тобой никаких долгов не осталось, никаких нерешенных дел. Лучше это все на центральной оставить, чтобы не продолжать на лагере издали решать дела. Игровых долгов у меня не было, ставок никаких я не делал, общие дела быстренько сдал в хату, потому что я ими не один занимался. Быстренько собрали, кто меня знал на центральной, и со стороны смотряги отправили чай, сигареты, сахар, у меня с собой что-то свое было, собрался, попрощался и поехал. Этап заказали в ночь, поздно было, февраль, темно.

Этап идет очень долго, можно по центральным путешествовать. Но если они захотят, то быстро отправят в лагерь, как меня, например, — я за полмесяца доехал до Иркутска, хотя некоторые едут три месяца, могут на центральной стопануться на месяц, на два. Могут целенаправленно тебя застопорить, вообще логистика ФСИН непонятна, несистемна для зека.

Вагоны прицепляются к гражданским поездам РЖД, плацкартный вагон, решетки вместо двери в купейном отсеке, три яруса, последний ярус может сплошняком закрываться нарами, у нас максимум был — 12 человек.

Мы ехали с Ярославского вокзала, автозак подъехал прямо к двери вагона, положили мостик, по которому мы сразу в вагон зашли. Я ничего не видел, потому что слева и справа собаки. Некоторые идут через весь перрон в самый конец, их сажают на корты, они ждут, пока их запустят в вагон. Когда Уфу проезжали, видел памятник Салавату Юлаеву. После Челябинска я сильно заболел, два дня последних больной в поту валялся с температурой на последних нарах, мне хуево было.

Тебе дают один сухпак в день, едешь на своих. Видел чувака с девятью сухпайками, он ехал до Якутии. Постоянно кто-то высаживается, кто-то подсаживается — как в поезде. В Красноярске зашли какие-то мужики в валенках, ехали сидеть в Иркутскую область на Тайшетский централ. Мужики сибирские, угарные, один на рыбалке что-то натворил, его бабка посадила. Были два или три женских купе, ехали с нами, там такие хулиганки, драки бывали у них между собой, они пели, верещали, плакали, целый спектр эмоций, общались с нами, заводили знакомства, шутки-прибаутки.

Есть легенда про Вологодский конвой, самый жесткий, всех, кто попадал на них, пиздили, приемка была жесткая, начиная с централа и до того, что ты выходишь из столыпина с пиздюлями. Сейчас говорят, что нет такого.

В вагоне запрещено курить, шли войны с конвоем, чтобы открыли окошко покурить, выходить же нельзя, открывать окна тоже, мол, сбегим. Курили прямо там. Очень тяжело пережить этап, не видел и врача обходящего, который должен быть на этапе. Драки бывают редко на этапе, понятия те же, хотя на этапе ты можешь прирезать какого-нибудь гада, блядь (не порядочного зека) и тебе за это не будет никаких предъяв, никакого спроса, это этап, и там нет отражения на общем. Этап — самое временное, что бывает у зека, все по разным лагерям едут. Можешь всякую хуйню против мусоров творить, которая не имеет отражения на общем.

Мы ехали с одним армянином, он с Матроски ехал в Новосибирск, еще с нами был один бродяга, который с рождения в воровской семье, он лет с 19-ти сидел. Его перевозили с Брянского лагеря в Кемерово на лагерь (там жесткие лагеря), у него были вскрытые руки, шрамы на руках, его перевозили, потому что он ударил козла, и в купе ехал чувак, вроде бы дагестанец, его вроде бы на тот же лагерь с бродягой везли, в Кемерово. Тот бродяга по воровским понятиям живет, а этот дагестанец на лагере в джамаате⁵¹, мусульманской общине, его переводили, потому что у них случилась поножовщина с братвой, джамаат с братвой что-то не поделили. И как-то ехали они в одном купе, понятно, кто на чьей стороне был бы, если бы они были в одном конфликте. Они знали, что едут на один лагерь, красный лагерь, где приемка жесткая, козлы с дрынами стоят, пиздят зеков после этапа, что мусора им говорят, то козлы и делают. Бродяга уже был готов вскрываться, а дагестанец говорит, а мнето что, я не ауешник, сразу в баландеры пойду, если будут бить.

Джамаат — сильная вещь, противопоставляет себя не только мусорскому, но и воровскому, они, конечно, подчиняются общим понятиям, но живут по исламским законам, которые во многом противоречат воровским: все остальные неверные, не будут трогать воровское, потому что это нечестным путем добыто, петухов тоже могут называть братьями, потому что они мусульмане, не геев (которых они забивают камнями), а тех, которые петухи по масти воровской, они к ним будут относиться как к братьям. Джамаат — сплоченный коллектив, достаточно агрессивный в тюрьме, у которого может пересекаться интерес с воровским миром, и это доходит до серьезных вещей: поножовщина, бунты, драки, беспорядки. В джамаат идут в первую очередь те, кто осужден по террористическим, экстремистским статьям, связанным с радикальным исламом. При этом им нужна обязательно молельная комната, джамаат без этого не может существовать в тюрьме, поэтому они как-то все-таки пытаются договориться с администрацией о молельной комнате, чтобы все нормально было. Они напирают на то, что мы сейчас вам устроим джихад всем исламским сообществом, если не будет молельной комнаты, она по закону им предоставляется в принципе. И легавые тоже понимают, что через молельную комнату проще контролировать мусульман, что мусора будут знать, кто туда ходит, они не будут скрытно молиться где-нибудь и проповедовать экстремистские статьи, все будет на виду. Джамаат — одно из самых организованных массовых сообществ в тюрьмах, лагерях.

Единственный способ развлечься на этапе — это общение, книги сложно читать, когда ты вдвоем в купе едешь сутками. Карты сложно было пронести, потому что на этапе их отшмонают (выходишь с хаты на этап — шмонают, на централье — шмонают, могут шмонать в столыпинском вагоне и после столыпина опять шмонают на другом централье). Сейчас все в видеорегистраторах: у них они висят, стоят на продоле в столыпине, все в регистраторах, мимо них сложно что-то пронести, в некоторых купе стоят регистраторы. На Бутырке регистраторы не носят, впервые увидел регистратор у столыпинского конвоя и в лагере. Они сами говорят, раньше было проще договориться, сделать поблажки какие-то, а теперь за ними тоже следят. Они сами не прочь забить на нас, обход каждые полчаса не делать, не стоять, туда-сюда не ходить на продоле мимо этих купе, а сидеть у себя в коптерке фигней страдать.

При одном из лагерей есть специальный барак для этапников (ПФРСИ52), из него развозят по лагерям. В Иркутское СИЗО не отвозят обычно, мы туда вдвоем поехали, я и пацан, к которому были вопросы у иркутских оперов (может, в розыске был у местных). Приемка нормальная была, у Ромы четки забрали, которые сделали на централье. Я не брился, не стригся полгода, меня сразу побрили, в душ холодный, горячая вода не работала, на корпусе выдали миску, ложку, матрас. Продольный спрашивает, че у тебя по жизни как, я говорю все ровно у меня по жизни, там по ходу он дает миски для ровных и для неровных, не было килишеванной посуды. Я почему удивился, знал, что иркутский централ красный. Я приехал ночью, тишина полная, все спят (на Бутырке ночью гомон, там ночью никто не спит), думаю, ну все понятно. Белая плиточка мерзкая на приемке централа, идешь, краснотой воняет из этого централа, все выделено, чистота идеальная — понятно все. Подняли меня на корпус, смотрю по роботам, видно, что много дверей на корпусе, не общие хаты, потому что близко к друг друг робот. Подумал, на спец подняли.

Захожу в хату, там чистота, ботинки стоят около входа, коврик, чисто все, думаю, что за херь. Я прямо с порога: жизнь вора. Молчание. Там две комнаты: прихожая, дубок, кухня, раковина, туалет, во второй спальня, четыре кровати. Слышу, вскакивают с нар, сразу: кто по жизни. Думаю, что за прием, что за встреча какая-то нелюдская. Сразу подозрение такое, я привык общаться свободно на Бутырке, слышу, эти с осторожностью разговаривают. Я говорю, че, мужики, чая выпьем. Они как-то... Я понял, что это не мужики обычные, а люди, которые работают на мусоров. Прямого конфликта с ними никакого не было, там все сидят с козлами, такая управа. Сидел там месяц. Быт совсем другой, чем в Бутырке, все по режиму (и на лагере так же): встаешь в шесть утра, радио включается. Два видеорегистратора стоят — два сучьих глаза, оператор сидит, постоянно смотрит, есть громкоговоритель, осужденный такой-то, встаньте с кровати. Нельзя садиться, спать днем, только ходить, сидеть на скамейке, узкой, маленькой, неудобной. Зарядка, завтрак, прогулка, обед, просмотр телевизора (в 10 часов выключаешь, не выключишь — в первый раз мусора отпиздят, во второй — отправят в ШИЗО). Если бы я нормально себя повел, сидел бы в ШИЗО весь месяц, и было бы охуенно. На втором этаже на спецу сидят пожизненники, которые на пожизненное едут, и ШИЗО там, их с собаками выводят на прогулку, и тех, и других. Это все по режиму. Там я реально понял, что такое тюрьма. Ни дорог, ни телефонов там нет.

Меня перевели на общий, потом обратно на спец. На общем попроще, я уже выебывался, сказал, что у вас за хуйня здесь происходит. Меня же там хотели петухом объявить козлы эти. Когда я сидел с этими тремя козлами, один из них постоянно куда-то ходил, я потом уже понял, что к операм ходил, вот он пошел, потом говорит, ходил я к своему адвокату и мне сказали, что есть фотки, где ты с мужиком целуешься. Я говорю, и где фотки-то? Говорю, ты же понимаешь, что это хуйня полная, что твой адвокат сказал. Он: смотри, если мы будем с тобой за одним столом есть, ты под вопросом, понял, пиши маляву смотряге централа. Я говорю, ты же мне сам говорил, что положенец централа — это гражданин начальник. Он, ну у нас есть такой-то такой-то, пиши маляву. Я говорю, ладно похуй, написал маляву, что у меня по жизни все норм.

Потом меня переводят с этим козлом на общую хату, у меня книжки мусора забрали. Думаю, какая-то хуйня происходит. Оказывается, этот козел — смотрящий хаты, красный директор, все мусорам сдает, его мусора ставят смотрягой в хате. Еще один был такой же, сидел по хуйне, с наркотиками связанной. Я говорю, давай хату всю соберем, че за хуйня, где фотографии, никаких фоток они не принесли. Там нас 14 человек сидело, они не могли понять, что за хуйня происходит, они про меня ничего не знали, но видели, что ко мне письма приходят, передачи мне делают, на счету у меня бабки были, адвокат и правозащитники ко мне ходили.

Я говорю, раз вы пытаетесь подвести меня под какую-то хуйню, объявляю голодовку. Не то, что вы со мной есть не хотите за одним столом, я вообще есть не буду, раз такая хуйня. Написал заявление на начальника тюрьмы, что объявляю голодовку, потому что ко мне не приходит адвокат, у меня забрали десять книг и не предоставили квиток о том, что изъяли у меня книги, просто спиздели, пока я ходил на свиданку с дядей, не говорят, куда у меня этап, я непонятно что вообще делаю на их централе.

Они ж меня хотели там оставить, со мной фсбшники общались, сказали, мы из отдела по борьбе с организованной преступностью и экстремизму в рядах заключенных во ФСИН. Не знаю, существует он или нет. Со мной сначала зам.начальника поговорил, я ему сказал, есть претензии к вам. Он говорит, ладно, но ты же понимаешь, мы можем договориться с тобой, но если ты не пойдешь на наши уступки, объявишь голодовку, мы тебя будем насильно кормить, я говорю, ну как хотите.

А этот козел говорит с другой стороны, что тебя выебут, если будешь себя так вести. А я говорю давай-давай, посмотрим, меня твое мнение вообще не интересует, я могу только людей слушать. Там были мужики обычные, один мне молодой там говорит, что поделатать, видишь, такой режим, такая хуйня. Я вот, говорит, вообще анархист. Я — ему: в смысле? Он: я не занимаюсь политикой, как у вас, я не за черных, не за красных. Я говорю, ясно все.

Сидели и из братвы нормальные пацаны, которые на воле там благовали и в системе, они все сидели в ШИЗО, их особо не задерживают на централе, они сразу в ШИЗО уезжали. Вообще на иркутском централе все печально, там мало кто благовал нормально, в Иркутской области самые такие — это братские чуваки.

В итоге я голодал дней пять, в эти пять дней еще одного голодающего привели. Один раз был осмотр врачей, говорили, все нормально, один раз кровь у меня брали, смотрели, есть ли какие-то изменения в организме из-за голодовки. Три дня воду не пил, на четвертый день начал пить, потому что хуево стало. Если врачи увидят изменения в крови, начинают тебя насильно кормить, пристегивают наручниками и трубку засовывают. Мне говорили, что потом вообще выебут. Я говорю, я тогда вскроюсь, все затоплю кровью.

Местный адвокат пришел, какой-то мудака, мне нашли местного адвоката пацаны, потом он от меня отказался, на него надавили фсбшники, два или три адвоката у меня там было. Я начал ходить на прогулки. Ко мне отношение сразу изменилось, спал днем, начал ходить на прогулки, когда хочу, — не слушал козлов, которые мне там что-то говорили. Директор писал что-то в тетрадочку. Сейчас бы я себя по другому повел, тогда дал слабинку. Вывела меня вся эта хуйня, это не людское. Если бы я дальше продолжал себя так вести, я мог бы сломаться, сказать, да ладно, я останусь тут, уйду в баландеры — нахуй это надо. У меня четкая была цель — попасть на лагерь, а они не хотели, чтобы я туда попал, до крайней степени могли довести — чтобы человек вскрылся или до голодовки. Неделю с козлами сидел, они меня уговаривали, чтобы я остался («на лагере хуже, ты что не знаешь, что у нас мужики платят блатным за телефон, за шконку»), а на самом деле хотели меня сломать. Через два дня они меня привели к двум мусорам из отдела по борьбе с экстремизмом, они говорят, давай останешься, нахуй тебе на лагерь, оставайся здесь на централе, будешь работать, выйдешь по УДО. Я говорю, я подумаю. Они такие, о отлично, посиди, подумай, а пока можешь нам на камеру сказать, что ты против антифы, воровского, чтобы молодежь не дралась на улицах, я отказался. Посиди подумай, через несколько дней мы придем.

Напрямую мне не угрожали, типа отправишься на лагерь, там вплотную с тобой разберутся реально. Я думаю, побыстрее это бы уже произошло, давайте, блядь. От меня реально хотели видео, что я отрекаюсь от всего, и от воровского, и от анархистского. Не знаю, как они хотели, чтобы я это сказал, но для меня это бы был тотальный зашквар, я говорю, нет, я

на лагерь.

Когда они второй раз пришли, пока я с ними разговаривал, у меня как раз спиздили книги. А я хвастался козлам, посмотрите, что у меня книги есть, они настучали, книги забрали.

Нас 12-14 человек было, сижу голодаю, книжку читаю, заводят в хату нового зека, мужичок усатый, Жуков, выяснилось, что он бывший мэр Ангарска 53, тоже на голодовке, нас уже двое сидит голодает, он один раз сознание потерял. Судили его за коррупцию.

Этот козел говорит, мне другие козлы говорят, что у тебя в хате происходит, два зека голодают. Я сижу голодаю, все херово, мне объявляют, что этап, думаю, о-о, наконец-то, потом этап отменяют, и на следующий день все-таки этап. Перед этапом говорю, ну что, мужики, все, уезжаю я, давайте супа мне, голодовка отменяется. Мужики попрощались со мной нормально, дали мне палку колбасы, сыра, еды, сигарет. Говорят, фиг знает, куда тебя везут с твоими этими заморочками.

Мне этот козел говорит, короче, Лех, такая тема, не было никакого адвоката, мне опера сказали так сказать. Я говорю, понятно все. Ты, говорит, не обессудь. Могут выебать и сказать, не обессудь, мусора сказали.

Я поехал на этап, на этапе дают квиток, что мои книжки изъяты и проверены, что приедут на лагерь. На лагере начался новый виток борьбы. Думал, поеду на автозаке со всеми зеками, а у меня был спецэтап, я один ехал в маленькой мусорской газели, там спереди сидело два чувака с калашами. До лагеря в Ангарске ехали часа два. Приезжаю, меня встречает целая делегация администрации лагеря, один из них биором представляется, я спрашиваю, кто такой БИОР, он говорит, ну потом узнаешь. У них были видеорегистраторы и камеры висели под потолком на стене, где приемка этапная, я один зек и их человек 15-20, одни шмонают мою сумку с вещами, другие меня самого шмонают, принесли мне робу огромную, другую не дали, все снимают, и берут мою шапку и бац! достают заточку — маленький ножичек, с ручкой, с заточенным лезвием, достали из подворота шапки, говорят, ваше? Я говорю: вы че? Вы сами мне здесь подкинули! Нет, мы тебе ничего не подкидывали, все, статья такая-то, административное нарушение. Берут меня по запретке ведут в ШИЗО, там оформляют мне 5 или 10 суток, уже не помню, заводят в хату под «крышей», там нет света, темно. Это было после шести вечера, на столе стоит баланда — гороховая каша. Маленькое окошечко под потолком, матрас уже лежал, был отбой. Я поел, встал на лавочку смотрю в решку, а там видна верхняя часть запретки и вдалеке виден Ангарский нефтеперерабатывающий завод «АНХК», там такое пламя огня из трубы в-ш-ш. Помню это пламя, в детстве, когда ездил куда-то на поезде мимо, постоянно видел это пламя. Ну все, думаю, Мордор. Снег еще лежал, пасмурная погода, промышленный массив (как и адрес лагеря), там четыре лагеря (для бывших сотрудников, шестерка — строгий лагерь с ЕПКТ, куда меня потом увезли через месяц, двойка, семерка особого режима, если не путаю) и СИЗО Ангарска, несколько заводов химических, нефтеперерабатывающих, какие-то дачные поселки на берегу Ангары, виден высокий склон другого берега, тайга.

По наркотическим статьям, по экстремистским статьям там сидят люди из других регионов в том числе, не только местные. На ЕПКТ сидели люди с лагерей Дальнего Востока,

например.

Просыпаюсь в пять утра, сильно удивился, что подъем в пять утра, хотя уже и привык за месяц на иркутском СИЗО, что тебя в шесть утра заставляют подняться с койки, а не как на Бутырке завтрак в шесть часов, в девять проверка, и ты можешь до нее валяться на кровати, а в иркутском СИЗО ни хуя, запрещено, могут выебать за то, что нарушаешь режим.

По режиму ты должен в пять встать, сделать зарядку, умыться, в шесть завтрак. Зарядку тоже заставляют делать, если не будешь — отобьют почки. Ты должен тащить на коптерку матрас с одеялом, нары поднимают и пристегивают к стене, первый раз в жизни такое видел, первый раз в ШИЗО сидел, прихуел с этого. Целый час ходишь по хате ждешь завтрака, март, холодно. В хате один был, а так они двухместные, еще одна хата под «крышей» была четырехместная, я недели две один сидел, потом уже ко мне посадили второго претендента поехать на ЕПКТ, мы с ним вдвоем на ЕПКТ и поехали. Он тоже злостный нарушитель режима, в лагерь первый раз поехал, это был лагерь для первоходов, а в тюрьме он второй раз, как и я, был. Нас отправили в ЕПКТ на строгий режим, где находятся все ЕПКТ (для строгого, для первоходов, для второходов), в лагере особого режима нет ЕПКТ, им сразу полгода одиночки дают и все (за нарушение режима внутреннего распорядка).

Когда месяц прожил там, начал вкуривать в тюремную жизнь из самого стрема, в который можно попасть при моих условиях. Я мог бы спокойно жить в лагере на бараке, у меня была бы куча общения (70-100 человек на бараке, 1300 человек в лагере), есть работа, библиотека, телефоны, телевизор, холодильник, жратва, можешь пойти в магазин, если есть деньги, есть футбольное поле, турник. Я всего этого не видел, потому что я сидел в хате под «крышей», они меня специально туда запихали. Иркутские мусора сразу определили меня под «крышу», чтобы сидел и не вылазил оттуда два года — московская точковка⁵⁴, вся документация из Москвы пришла, они сами же не знали, кто я такой, еще и гуглить начали, и, понятное дело, им радости не доставляло, что я буду сидеть на общем лагере с кучей народа антисистемного всякого и пропагандировать анархизм. Они изолировали меня от людской массы, так я два года и сидел с теми людьми, которые могли бы расшатать людскую массу зеков в лагере и устроить что-нибудь, начать качать права, делишки свои проворачивать, спокойной жизни администрации точно не давать.

Они толпой привели меня под «крышу», там кабинетик есть, где они с зеками общаются, стол, два стула, окно выходит на барак сусовский⁵⁵ залокаленный. На лагере два барака залокаленных обычно — ШИЗО, где камеры (у нас было 14 хат), и сусовский барак, где не в ШИЗО и ЕПКТ сидят, а в СУС: они изолированы, но там человек 20-30 сидит, им дают по полгода за какие-то систематические нарушения, у них есть телевизор, они вместе едят, есть маленький дворик (где можно белье сушить, например), сидят по четверо в хате. Днем продол, где хаты, закрывается, им открывается телевизионка, подпиткакухня, иногда им открывается дворик (если администрацию расшатали) и полпродола открыто, они туда-сюда ходят.

Когда я после двух лет в ПКТ, ЕПКТ последний месяц там сидел в СУС, просто прихуел от такого количества свободы. Там 14 человек, ты можешь с людьми пообщаться. Когда

вчетвером, сидишь как дурак в хате просто.

Всем давно известно, что там нифига не лечат в тюрьмах, лагерях 56. Нужна продуманная реформа ФСИН, что делать с врачами, с какими-то непонятными людьми, которые называют себя врачами, на обходах смотрят тебя. Их прикольчики: у тебя болит голова и нога, вот тебе две таблетки парацетамола, левая от головы, правая от ноги, смотри не перепутай. Дают парацетамол, давай разворачивайся обратно в хату. Очень редко, где хорошие стоматологи бывают, единственное, что они могут сделать — вырвать тебе больной зуб, лечить тебя никто не будет. Надо деньги на все это собирать, договариваться с администрацией, чтобы лекарство и инструменты для врача запустили в лагерь, а так нихуя нет ничего, разворовывают все, если там что-то и доходит, то очень мало, разворовывают в лагере, вообще непонятно, что туда дают, непрозрачность всей ФСИН позволяет разворовывать все хозяйство, что не разворовали до лагеря, то спиздят в самом лагере, администрация, вплоть до низовых сотрудников ФСИН, пиздят все, до зека вообще ничего не доходит, что ему полагается.

Раз попадал в больницу в лагере на двойке: строгий режим, где я сидел в ЕПКТ 13 месяцев, год мне дали ЕПКТ плюс месяц еще за ШИЗО в самом ЕПКТ. В какой-то момент мы вышли на прогулку, начали в хате с утра ругаться с сокамерником, так получилось, что он мне ногой под колено попал, у меня раз попадал в больницу в лагере на двойке: строгий режим, где я сидел в ЕПКТ 13 месяцев, год мне дали ЕПКТ плюс месяц еще за ШИЗО в самом ЕПКТ. В какой-то момент мы вышли на прогулку, начали в хате с утра ругаться с сокамерником, так получилось, что он мне ногой под колено попал, у меня распухло колено, видно, что кровь собралась, колено не сгибалось, сокамерник, который меня ударил, начинает стучать в дверь, вы че охуели, давайте вывозите его на больничку, он даже ходить не может, вставать. Мусора сначала начинают выебываться, ты что охуел лежать днем на полу, давай вставай, я говорю я вообще сейчас голодовку объявлю, жрать ничего не буду, давайте лечите меня. Так два дня пролежал, все это скопилось, все болит, я ничего не ем. Приходит врач, смотрит, щупает колено, говорит, все, на больничку. Привозят меня на тюремную больничку. Есть обычная больничка лагерная, а мы так как в ЕПКТ сидим, у нас отдельная закрытая, там четыре хаты больничные, барак тоже залокаленный, одно отделение — четыре хаты для ЕПКТ и ШИЗО, а второе отделение женское общее, женщин туда привозят с других лагерей или этапом. Сначала меня запустили в одиночку, я кричу чувакам, которые с ЕПКТ сидят втроем, я к вам хочу, что я тут в одиночке делать буду, они договариваются с мусорами, с начальником ЕПКТ, чтобы меня перевели к ним, все, меня переводят, с общего режима первоход я один, там был строгий режим и общий режим второходы: кража, разбой, один был пж, сначала ему дали пж, потом перебили на 24 года, все вместе на больничке лежат, а на ЕПКТ все сидят по своим режимам. У одного стебанул ВИЧ, у второго проблемы с желудком, я с коленом. Мусорам я говорил, что упал со шконки, коленом ударился и все. У меня обычная бытовуха, мы побазарили с этим сокамерником, потом полгода еще вместе сидели, продолжали конфликтовать периодически. На больничке валяешься весь день на кровати, там книги разрешены, журналы. Они сделали мне рентген, выкачали кровь, по закону я там 28 дней могу лежать. Адвокат Сидоркина ко мне приезжала как раз, тогда она

всем и рассказала, что у меня с коленом проблемы. Она не знала, что я на больничке: приехала, ей говорят, его нет, он на больничке, она в смысле его увезли куда-то? Говорят, нет он здесь в лагере, на больничке, она так ведите его. Валялся там 28 дней, кайфовал, нормально отдохнул. Мусора еще угарные, начальник мне говорит, скажи, что ты подрался с кем-то, я говорю никуды, он пытался развести меня на то, что подрался, что конфликт у меня, чтобы меня изолировать вообще от всех или отправить в хозбанду. У них прямо цель была отправить меня в хозбанду. Я говорю, ни с кем не дрался, вообще ничего не было, упал со шконки, че ты меня тут разводишь, давай прекращай этот развод, что вы мне можете дать — вообще никуды, выведите меня в ту же хату, откуда привели.

Тюрьма построена очень интересно: продолы вот эти, ты если не разбираешься, ты не поймешь, где что, естественно, если ты сидишь в хате, очень сложно понять, откуда какие звуки идут, что они вообще означают для новичка, но очень важно их выучить все, потому что ты же там в постоянном напряжении находишься, постоянно то менты ворвутся, то сокамерники, 24 часа в сутки у тебя напруги с головой твоей. Я понял, как можно научиться слушать в тюрьме. Вообще самое главное правило в тюрьме — меньше говорить, больше слушать, именно звуки, шум — вообще. Надо просто сесть на тормоза (двери, роботы) и слушать, что происходит на продоле, чтобы хата была в безопасности от мусоров. И начинаешь, конечно, понимать, где какая хата открывается, сколько мусоров идет, когда баланда приезжает, когда какие-то гости незваные приходят — очень разные шумы бывают. Когда хата открывается, кого вывели, он должен сам курсовать, что его выводят (особенно это на крытой действует), кричать, что такого такого-то вывели. Если мусора сказали, они говорят меня ведут туда-то. Ты же точно не знаешь, они скажут одно, приведут в другое, скажут к адвокату, приведут к следаку. И ты в блуд вогнал весь продол, не очень тема, поэтому от слов мусоров не отталкиваешься, говоришь, они говорят, что ведут туда-то, теперь в баню пошли, например. Кстати, тоже слух: всю хату выводят в баню, значит, надо сидеть дальше слушать, может, у них там шмон начнется, пока они все в бане. И ты курсуешь. Ты должен по ходовой звуки расшифровывать, выучить и знать. Продолы глухие такие, звуки странные. Ты не видишь кого-то, со многими арестантами (особенно на крытой) ты общаешься посредством голоса, кодовых фраз, звуков даже, они все, кстати, идут с районов. Мне чувак говорил, давай так и так общаться, я ему откуда ты это взял, он мне ты что не в курсе, что мы с районов так общались, так и в тюрьме будем общаться, с улицы приходит все в тюрьму, они все уличные пацаны. Какую-то хуйню мутят на районе, мелкий криминал, тоже посредством звуков общаются, все это в тюрьму приходит, а из тюрьмы на улицу опять приходит, тюрьма и улица рядом всегда. Коды передаются из лагеря в лагерь и на улицу возвращаются обратно, а потом возвращаются в лагерь. Это как выражение oi! у скинхедов — это от кокни⁵⁷. Ты кричишь oi!, откликаешься, это тоже самое, у нас в Сибири есть такой (звук), очень громко делается, на шухере кто стоит, должны среагировать.

Там целые спектакли обыгрываются через продол, они же тоже слушают, и видеоканал в некоторых камерах нет, в некоторых хатах. Мы же обыгрывали тоже сценки с моим сокамерником чеченцем. Нас посадили с игиловцем в БУР, на четверке (ИК-14). Мы сидим, врубились, почему нас посадили вместе: друг другу нервы помотать, я анархист, он игиловец, типа сейчас друг друга сожрем. Он отказывался брать с воровского что-то, типа разгоны брать, потому что добыто нечестным путем воровским, ему нельзя есть по шариату, он не пил, не курил, не чифирил. Мы с ним сжились нормально, в общей сложности

просидели месяцев пять-шесть вдвоем, нормально себя чувствовали, я даже курить бросил, не курил уже, сигарет нам не надо особо-то, «Новую газету» постоянно читал. Думали, сейчас раскидают нас, неохота так раскидываться, в любой момент могут же раскидать по разным хатам, и мы начали делать вид, что ругаемся с ним по утрам, за всякую хуйню, за бытовуху, типа орем друг на друга, мы знаем, что они слушают, они докладывают биору, что типа мы ругаемся. Приезжал фсбшник, говорил, я в курсе, что вы с ним вместе не сживаетесь, приезжал поговорить перед моим выходом приезжал насчет того, как мне сидится с игиловцем, что я буду делать, когда освобожусь, расскажи, как он сидит со мной, что рассказывает. Ему 2,5 года дали по 30-й58, у него незавершенное, попытка, он не доехал до Сирии, его собственный дядя сдал Центру Э в Грозном, его пытали током тоже, в спортзале привязали каком-то в Грозном. И мы такие сценки им устраивали, даже переругивались на проверках утром, типа стоим на продоле, за зубную щетку ругались что ли. Они стоят, а мы потом с ним ржали без палева. Нас потом все равно раскидали, когда фейс понял, что мы какую-то хуйню устраиваем, что от меня ничего не добиться, хотя этот фейс мне пообещал, что мне не дадут надзор на три года, а когда мне его дали, говорю вот пиздабол-то, он слово офицера типа давал. Он хотел меня завербовать, сказал, тебя встретят мои коллеги в Москве. Я догадывался, что так и будет, особенно, когда меня вывели на волю не в двенадцать часов, как обычно выводят, а в шесть утра или в семь. Мы как раз только телефоны успели спрятать, дорогу убрать, все убрали, спать лечь, сидим, раз, тормоза открываются, мы такие ебать, только-только все убрали. Мы такие: вы че приперлись-то, они собирайся на волю, на свободу. Вы че охуели, закрывайте двери, в двенадцать часов выпускайте, у меня еще дела. Мы сделали торт, должны были его на завтраке съесть, а они до завтрака меня выводят, я говорю, не пойду никуда, я ни с кем не попрощался. Это уже в СУС было, месяц отдыха.

Пацаны сибирские нормально себя чувствуют, все худые, привыкли, ну холодно пиздец там, ходишь вот так реально, как дебил, так весь день. Надо заниматься, отжиматься, чифирить, кровь разгонять. В пять утра тебя поднимают, холодрыга пиздец, отдаешь ты этот матрас, всю ночь под ним греешься, ни носа не показываешь, потому что холодно, крутишь эту простынь на себе, заворачиваешься, когда дышишь, у тебя идет пар изо рта, под батарею забиваешься под утро или просто ходишь-ходишь ждешь завтрак. Я весил 79 кг, тело такое... Когда приносят завтрак, чай еле теплый, кашу с хлебом, иногда у тебя сгущенка бывает, иногда не бывает, ты съедаешь, чувствуешь, что организм начинает разогреваться от еды, прямо чувствуешь, у меня такого больше никогда не было, только в тюрьме, что организм насыщается и разогревается, тебе тепло становится. Потом чувствуешь, что холодно, начинаешь отжиматься, ходить туда-сюда. Если у тебя есть в запасе чифир, лёза (на лагере вываривают чифир и замораживают, шайба такая получается — концентрат — вкус специфический, конечно), варишь кипяток и размачиваешь эту шайбу. Если у тебя нет кипятильника или бульбулятора с собой, ты под язык просто кладешь, рассасываешь, но это пиздец тошниловка под язык. Крепанешь, уже намного лучше становится, чувствуешь, как у тебя кровь разгоняется, в башку ударяет. Днем там относительно тепло еще, а в некоторых батарея нормально так ебашила, даже жарко. Они знают, где-то батарея не очень хорошо работает, где-то хорошо, где-то морозилка, где-то нет. Такая дисциплинарная мера. И свет какой, и какая решка: большая, небольшая, под потолком она или посередине.

ЕПКТ — самый жесткий период, который был во всей моей командировке, те 13 месяцев, что я там просидел. Я не жалею, опыт миллиардный для меня. В ЕПКТ ко мне фсбшники приезжали из Москвы специально, женщина, причем она меня обманула, сказала, от моей матушки, от правозащитников. Меня с хаты дергают, заводят к начальнику ЕПКТ в кабинет, она там стоит, такая женщина, а я давно женщин не видел, я сначала не понял, чего они хотят от меня, у нее такой чемоданчик с собой. Почему недоверие вызвало: ее пиджак висел на кресле начальника ЕПКТ, я подумал, нет, это не наш человек. Она смотрит, что я прямо уставился на него, берет пиджак на себя надевает, вплотную садится ко мне, начинает тереться коленом, рассказывает, что на мотоцикле ездит, слушает рок, я как дурачок начинаю вестись. И говорит, ну давай, я хочу взять у тебя тест, чтобы возможно в Москву увезти, полечиться там в больничке насчет психологических проблем. Я думаю, да пиздишь ты все, мне бы сообщили заранее, адвокат бы пришел или в письме написали бы, ну давай посмотрим, что я буду сейчас отказываться?

Мы что-то тихонько сидим, она мне тихо так говорит, и тут чик, дверь открывается, там мужик такой, ну что у вас все нормально? Та такая: да-да, все нормально. Фейс ей говорит, что-то вы тихо слишком сидите. Я не в наручниках был, мусора стояли за дверью, я бы так не стал говорить, если бы сидел в наручниках. Зачем-то им понадобился мой психологический портрет. Надо было кружки какие-то, не Роршаха, но что-то типа этого было, очень много вопросов про суицид было, мне кажется, основная цель была, суицидален я или нет выяснить. Я чушь нес полную, не то, что я думаю на самом деле. Они еще двоих вызвали, которые проходили по делам о терроризме. Сокамерник говорит, что за хуйня, почему тебя вызывают, а-а-а ты ж «политический». После этого ничего не поменялось, подшили наверно в фсбшное дело, им нужен был психологический портрет, по-моему.

Первым делом нужно наладить контакт: она давай рассказывать, как она приехала из Москвы, как там все хорошо, как она устроилась в гостинице в Иркутске, что типа она неместная, но у меня было подозрение, что она из иркутского ФСБ местного скорее всего. Они пришли в то время, когда у нас были очень напряженные отношения с руководством: мы на голодовке были пять дней всем ЕПКТ, расшатали их, потому что они начали крепить режим, мы начали с ними воевать всем ЕПКТ. Они как раз в это время приехали, мы сидели в хате напротив хаты начальника, меня выводят — сразу заводят, прямо напротив, на отшибе находилась эта хата, считалась как карантинная, когда в ЕПКТ заводят, туда сначала, мы там втроем сидели, потом нас обратно перевели на большой продол, на общий продол. Мы там сидели без нихуя, нас изолировали еще больше, мы там просидели где-то месяц, может, три недели. Мы когда вернулись на большой продол, такие: дома, наконец-то! Очень жестко. Там потом вор с севера сидел в этой хате отдельно.

Я как-то через очень хитрую схему затащил книгу Ходорковского: прочитал в каком-то старом журнале про то, что вышла его книжка «Тюрьма и воля», мы сидим с татаринком, который по пж, на больничке, он говорит, меня сейчас повезут на больничку в шестерку, там будет связь, что надо передать? Я говорю, хочу эту книгу прочитать и говорю, давай так сделаем: тебе два экземпляра мои товарищи из Иркутска передадут, ты ж по любому к нам сюда вернешься, или один хотя бы, моих корешей наберешь, они тебе сделают передачу на шестерку, туда на больничку на общую передадут тебе, а ты привезешь сюда мне отдашь. Так и сделали: иркутские товарищи купили эту книгу, привезли на шестерку, сделали ему

передачу с этой книгой, он ее привез мне уже, потом я отдал ее бродяге одному, он кричит этому вору, есть такая-то такая-то книга Ходорковского, будешь читать? А он кричит: я предателей не читаю. По ходу они как-то пересекались на воле или в тюрьме.

Тот, который пж, начинал сидеть с 89 года, с малолетки, он родом из Казани. Есть такая мода тюремная у зеков в Сибири — анзёбки, как бриджи, носятся как трусы на голое тело, шьются из простыней, желательно цветных, зеку же нельзя цветные вещи носить, вроде как трусы, а вроде и шорты. Ему осталось сидеть 14 лет, он такой: вот выйду скоро, пошью себе охуенные анзёбки, буду ходить. Он угарный чувак, научил меня более-менее в нарды играть, всякие угарные вещи рассказывал. По разбою последний раз сидел, получил лет девять за разбой, отсидел какой-то год под «крышей» там где-то у себя в Татарстане, по телефону сидит один разговаривает с каким-то своим корешем и слышит какой-то мат в телефоне. Говорит, что у вас происходит, ему — да у нас там стрелка, общаемся. Он говорит, а что они так матом общаются на стрелке, что за хуйня, давайте в чувство их приведите, чтобы они нормально разговаривали. Потом слышит какие-то выстрелы, кидает телефон, ломает его, все спускает в унитаз, симку ломает, сидит. Через несколько дней к нему приходят и предъявляют обвинение в организации убийства двух полицейских. Это оказались на стрелке полицейские под прикрытием, которых завалили. Ему как организатору дают пожизненное. Он начинает все это качать, его увозят в Мордовию, он там сидит, оттуда пишет, что за хуйня, почему мне пж дали, непонятно за что, я сидел в заключении, мне пж дают. Он в Мордовии сидит полгода на пж, ему перебивают на 24 года, добавляют там сколько-то. Когда я с ним встретился, его увезли потом в Ульяновскую область, он там сидел тоже на «крытке», он уже все тюрьмы прошел, таких людей по всей России катают, с такими сроками, смотрят дело: он с 89-го года сидит, разбои, грабежи, очень опасный человек. Его закрывали везде, все равно везде какую-то хуйню творил, он говорит устал потом, в итоге у нас в Иркутской области оказался, отправили его на строгий, оттуда под «крышу» и уже к нам на ЕПКТ. Последнее, что я о нем слышал, у него все нормально, работает на промке, живет на бараке — даже после всех этих крыток, ПКТ, ЕПКТ, если ты не газуешь против администрации, то, как вариант, жить обычной мужицкой жизнью лагерной.

Есть семь общероссийских «крыток»⁵⁹, туда свозят независимо от того, в каком регионе ты был: две «крытки» в Красноярском крае (Минусинск, Енисейск), в Ульяновской области (Димитровград), в Саратовской области (Балашов), во Владимирской области (Покров) — самая стремная, в Липецкой области (Елец), в Челябинской области (Верхнеуральск).

Видел чувака из Сахалина, которому дали расстрел в советское время, он попал под мораторий, ему заменили на 26 или 25 лет, в итоге он отсидел 27, он должен был выйти в том же году, что и я, в 2017.

Борьба с ощущением несвободы

Тебя сковывает всего и психологически, и физически. Думаешь о воле постоянно, теряешь связь с реальностью, начинаешь тупить, косячить. Помогает переписка. У людей, у которых

нет поддержки, между собой общаются. Я тоже общался. Мне очень сильно помогало общение с воли, а со стороны других была, конечно, такая особая тюремная зависть, что мне пишет столько людей. В тюрьме пассивная агрессия везде проявляется, ты живешь ею, она рулит отношениями между зеками, надо стараться контролировать ее, взаимовыручка важнее, чем твоя агрессия, которая приводит к непониманию и к открытой агрессии, но она, конечно, рулит в тюрьме, в закрытом помещении, когда люди постоянно друг с другом. Поэтому тут и сложились годами накопленные понятия общежития и отношений между людьми.

Что там еще делать? Только про себя рассказывать, про то, что делал на воле, как жил, постоянно об этом говоришь.

В тюрьме приходится приспособливаться к условиям, адаптироваться, я тоже тупил, не знал, как действовать с мусорами, как вести себя с зеками, какие-то косяки мелкие, но которые нельзя допускать, так как все сказывается на людях, живущих рядом с тобой. Ты постоянно разговариваешь об этом с другими зеками, которые знают, как себя вести, они тебе обязаны рассказать. К маленьким косякам поэтому и относятся по человечески, потому что понимают, что человеку неоткуда больше это узнать. Тебе сто раз скажут, как надо делать, ты сто раз споткнешься, тебя сто раз поднимут. Например, когда сидишь под «крышей», не спалиться с чаем, запретом. Расклацываются тормоза перед мусорами, а ты стоишь с кружкой, из которой пар поднимается, — палево. Или с запретом идиотским спалишься, ты должен его спрятать, думать каждую секунду о том, что может быть шмон. Или разговариваешь с ними, всегда нужно разговаривать с мусорами, чтобы они тебя уважали, немного боялись, понимали, что ты серьезный человек, а не какой-то дурак, что хуй спалишься, даже как-то определенно доверяли каким-то вещам, не начинать с ними сюсюкаться, шутки шутить. Можешь шутить с ними, когда тебе выгодно, но просто так — нет, или ляпнуть при них то, что они не должны знать (это уже косяк).

Физический страх надо контролировать. Тебе страшно, но ты должен контролировать этот страх. Ты попал в эту ситуацию, ты понимаешь, что надо выжить. Выжить, но не упасть достоинством арестантским, теряешь достоинство — теряешь человеческий облик. Выбор очень сильно влияет на твою дальнейшую судьбу, иногда выбора нет. Опытный человек сразу видит, что человек не врубается, как он живет, в хате с ним сидишь, ты ему сразу доводишь, вот братан, ты так и так делаешь, а так не надо делать, ты правильно тут сделал, а тут неправильно, все это может к тому-то тому-то привести, повлияет на всю хату, на всю «крышу». Все действия, которые ты делаешь в тюрьме, влияют не только на тебя, но и на тех, с кем ты вместе в хате сидишь, а, может, и вообще на весь лагерь влияют.

С первоходов может и не быть спроса с вещей, которые не влияют на судьбу, дальше — больше: с него спросят как с порядочного, если он порядочный, на его образ жизни это не повлияет (распределение по кастам).

Есть понятие такое, что с первохода спроса нет по образу жизни, если это не связано с хуем, грубо говоря. Тут уж как бы все: от всего можно отмазаться, кроме хуя.

Солидарность

Признанных политических узников в России⁶⁰ с каждым годом все больше становится и будет становиться еще больше. Я считаю, всплеск политических заключенных был с 2011 или с 2012 года («Болотное дело»), они появляются после массовых демонстраций каких-то, по уголовным, по административным статьям. Судьба политических заключенных в России в тюрьмах сейчас лучше, чем в царское и в советское время. Меньше стало после распада СССР, но и сейчас они есть и будут массово оставаться. Я считаю политическими узниками тех, кто осужден по политическим статьям, связанным с социальной, политической активностью, ненасильственным, хотя, может, и насильственным, и необязательно активностью, направленной против власти, — например, против другой политической группы, или если ты занимаешься экоактивизмом и борешься с бюрократизмом, если ты убил полицейского при самозащите, например. «Болотников» тоже посадили за сопротивление сотрудникам полиции и за организацию и участие в беспорядках, но они признаны политическими, хотя статья 318-я⁶¹ не политическая.

Солидарность и кампания поддержки политузников — это очень большая вещь и требует большой организации и большого количества людей, с которыми нужно связываться, как сеть помощи, не террористическая сеть. Есть люди, которые занимаются информационной поддержкой, это очень важно, потому что если нет информации о человеке, об этом никто не узнает, что с ним случилось, как ему помочь, что за дело, поэтому нужны люди, которые занимаются именно информационной поддержкой, это и сейчас трудоемкая работа, работа через интернет в первую очередь, с целевыми аудиториями, правозащитниками, творческими людьми, людьми, которые занимаются политическими акциями, другими политическими группами, в разных политических группах есть разные люди, которые сидят, с ними надо вместе работать и солидаризироваться. Я уж не говорю о правых, непонятная история с ними для нас, вроде они и «политические», а вроде совершают жестокие насильственные преступления, которые связаны с их политической деятельностью, но в наше время и правых закрывают по каким-то надуманным вещам. По факту их закрывают за их политическую деятельность, например, можно вспомнить каких-то нацболов. Можно с натяжкой взять таких долбоебов как Зухель с Антицыганом, которых закрыли за кражу мраморной говядины⁶², понятно, что это был повод, на самом деле они были слишком активны в интернете и еще как-то, за ними присматривали сотрудники центра Э, в первую очередь в интернете отслеживали всю их деятельность, они там постоянно хвастались, как выносят из магазинов мраморную говядину, продукты дорогие, на этом их и подловили, прочитали переписку, узнали, когда они пойдут в очередной раз, взяли их с поличным практически, грамотная операция. Поэтому следует быть аккуратными с такими вещами, с таким родом деятельности. Я уж и не говорю про наркотики, мало того, что их могут подкинуть, но и являясь наркопотребителем, ты увеличиваешь риски попасть под уголовную статью, так как за тобой может вестись наблюдение и контроль.

У анархистов в России долгий путь борьбы, узникианархисты, о которых я знаю, в постсоветской России связаны с редколлегией «Автонома»⁶³, когда одного из первых редакторов журнала Диму Кабаноса закрыли фсбшники в Краснодаре, якобы за

насильственное преступление, фейсы вытребовали заявление потерпевшего, Диму на год посадили (начало 2000-х). После него к другому активному человеку Алексею Черепанову фсбшники пришли в квартиру с обыском, изъяли «Автономы», которые у него лежали, закрыли его формально за траву, у него нашли марихуану, тоже дали год поселка, но человек занимался журналом «Автоном»⁶⁴. Надо помнить все эти случаи, потому что они могут произойти в любой момент даже сейчас⁶⁵. Используется уголовная статья (например, о хранении наркотиков), чтобы закрыть активиста, при этом пропадает какая-то часть тиража «Автонома». После того, как закрыли двух главных активных анархистов в Краснодаре, движуха активистская и антифашистская там спала на нет. Надо помнить, что это были времена губернаторства Ткачева, который позволял рнешникам маршировать по студенческим общагам и университетам, патрулировать, поэтому ничего удивительного, что все так вот. Юг России всегда очень реакционный по сравнению с севером, это классика, более консервативный, нетерпимый к левым идеям. Уже тогда автономны начали с кампании поддержки Кабаноса, потом Черепанова, начали писать, работать с журналистами, делать уличные акции поддержки, вешать растяжки, раздавать листовки — все это шло по цепочке, благодаря интернету, шло общение, были договоренности делать все вместе, разом, сообща (это 2004 год — середина нулевых). Автономное Действие было, все-таки, федерацией, был сайт, соц.сетей еще не было, информация через внутренние e-mail рассылки в основном, закрытые, лишних людей не было, всех добавляли только по знакомству. Обязанности координатора — довести до участников своей группы, что происходит с другими группами АДбб, обсуждать все это на повестке собраний. Ячейки, группы были в Москве, Питере, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Тюмени, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Иркутске, в маленьких городах, Лесосибирске⁶⁷, там была группа АД, потом там все стали сталинистами. В то время так солидарность проявлялась, именно активистская, мы еще не задумывались над тем, что человек сядет, его надо весь срок поддерживать, нужен адвокат, передачи, подписки на журналы и газеты, письма, вечера солидарности — все это АЧК⁶⁸ начал развивать, пришло постепенное понимание, что весь срок надо поддерживать человека нашего.

Появились адвокаты, которые с нами начали работать, и мы начали обращаться с деньгами, которые получали от организации вечеров солидарности разных форматов (от концертов с коробкой сбора от АЧК до написания открыток, писем сидельцам, прямая солидарность, воспитывали в людях, что надо писать человеку в тюрьму, потому что общение — это жизнь, общение — это важная вещь, которая оставляет человека личностью, сохраняет его личностью, потому что личность в тюрьме распадается постепенно).

Первые разы адвокаты не были в курсе политического случая. Такие люди быстро входят в понимание, они параллельно общаются с тобой-заключенным, родственниками, товарищами и самое главное, если они находят доступ к общению со следователем. Если адвокат общается со следком, то он понимает, что происходит, что хотят от твоего подзащитного, это очень хорошая практика. Если твой адвокат говорит, что сейчас пойдет общаться со следком, то ты понимаешь, что не зря ему бабки платишь. Следком может не захотеть общаться.

Если адвокат добивается встречи с ним, следком может пойти на контакт, это шанс понять, чего хотят от подзащитного, шанс добиться каких-то договоренностей, послаблений. Те же

самые свидания только через адвоката делаются, потерпевшие тоже пытаются с адвокатом договориться, это реальная работа. Конечно, это могут и товарищи делать, но какой следок будет слушать какого-то анархиста, он может прислушаться к какому-то известному анархисту, публичной личности в среде антифашистской. Пару раз я общался с операми, решил вытащить своего человека. Приехать общаться с ппсниками, решать выяснить, почему держат человека, ппсникам дать денег и все, за кражу в магазине, за драку его отпустят, если ничего серьезного, тяжелого, криминала нет, то можно отмазаться. Или приехать в отделение, ничего не оформили на него, просто забрать его. При этом нужен человек, который умеет с ними общаться.

Один раз мы попизделись с бонами в Иркутске, разъехались, в итоге выяснилось, что троих из наших взяли, я на следующее утро поехал за ними, прихожу, там стоял опера в отделе, я прихожу, говорю, такие-то такие-то у вас, они ваша фамилия, я говорю фамилию, они такие о-о-о, мы-то тебя тут и ждали, пойдём поговорим. Они ну давай рассказывай, что там, ты-то у них главный, да. Я понял, что можно выбраться, они меня принимают за их главаря и жестить не будут, как с ними, я говорю, отпустите их, что вообще такого, там обычная драка была. Они даже не смогли факт драки доказать, потом выяснилось, что их пиздели всю ночь, добивались узнать, кого они отпиздели, потому что их взяли с сумкой с арматурой, битами, они знали, где-то драка была, фа-антифа, потерпевших нет никого, заявления о хулиганстве тоже нет со стороны свидетелей, но они слышали что-то, непонятно что, попиздели, пытались добиться от них каких-то протоколов, что они сами все расскажут, никто ничего не рассказал, приехали чуваки из УБОП, которые занимаются антифой, экстремизмом политическим, они прознали, что я — это я, ну и все, всех отпустили. Я же не один туда пришел, я пришел со своей мамой, они меня уводят, она начинает устраивать там скандал, до этого вытаскивала меня сама не раз тоже. Опытная правозащитница.

Если ты даешь грамотную информацию, за что человек сидит, кто он такой, почему надо на него денег скидывать, если человек сидит, много денег надо, сборы денег постоянно. Сейчас деньги на все подряд собирают, но когда товарищи сидят, их поддержка должна быть в приоритете.

У RAF были свои красные адвокаты, в России нет коммунистов-адвокатов, анархистов-адвокатов, даже Эмма Гольдман рассказывала⁶⁹, что были анархисты-адвокаты, которые ее постоянно защищали, что бы она там не творила, вытаскивали, имели опыт общения с государством, властями, могли за Красную Эмму сказать слово, заступиться, то есть у Эммы был, кроме того, что она такая вся крутая, экстремистка, хороший тыл, чтобы государство ее не прикрыло навсегда. У нас этого нет, почему мы такие все боязливые, я хочу, чтобы у меня была общественная поддержка, она у меня есть более-менее, адвокаты какие-то, правозащитники чтобы за меня стояли, меня просто так бы не трогали по всякой хуйне. Сейчас выяснилось, что у журналистов есть такое благодаря делу Голунова, было видно, что ребята смогли своего отстоять у государства, забрать его. Если какое-то насильственное преступление, от него реально сложно отмазаться, со всем остальным, мне кажется, пора российскому государству перестать играть в ГУЛАГ, жить по современному, не кошмарить народ хуйней всякой. С фейсами сложнее всего договориться, если бы Голунова фейсы закрывали, а не какие-то тупые мусора, он бы просто так не выскочил нежданчиком.

Людам из движухи нужно общаться, контакты настраивать, находить общий язык с правозащитниками, находить адвокатов, почему-то нет у нас такой базы, наши люди не хотят становиться адвокатами, хотя с юридическим образованием хватает людей. Я разных видел адвокатов, есть полные мрази, которые бабки только стригут и в движухе такие адвокаты были, а толку никакого. Я видел каких-то людей, которые не были никогда адвокатами, при этом рвали жопу свою за человека, и у них все получалось.

Проеб с людьми из среды в воспитании, в самой культуре активистской, которая как появилась, так она и идет. Проеб наш наверное, Автономного действия, надо помаленьку все это менять, конечно. А чем мы занимались: ФНБ, антифой, футболом.

Заводится уголовное дело по факту драки, например, или по факту участия в массовых беспорядках, всегда появляются свидетели из тусовки какие-то, их вызывают по повестке или они заранее звонят без повестки, они обязаны оповестить своих товарищей, они обязаны оповестить тех людей, которые занимаются этим делом, поддержкой, солидарностью. Сидит товарищ, вызывают другого товарища с воли дать показания свидетельские по уголовному делу, за которое сидит этот товарищ. Понятное дело, что он из свидетеля может превратиться в подозреваемого. Если он не знает, как себя вести на показаниях, ему надо разъяснить, что говорить, что не говорить, какие последствия могут быть из-за того, что он туда пойдет, может, проще вообще уехать из страны, чтобы не сидеть, если он чувствует что-то такое, за что его можно закрыть. Иногда человек не понимает, что он под колпаком, что его скоро закроют. Со мной так было, например. Когда мой подельник мне говорил, про тебя спрашивают, тебя ищут, были звоночки такие, что надо съезживать, я уже был готов съезживать, но просто не успел.

В нашей стране все думают, ничего не изменишь, дадут ему десятку, смысл так сильно бороться. Смысл бороться есть всегда, где бы ты не находился, и тут поддержка с воли придает тебе силы для своей борьбы в самом ядре системы. Я так считаю, что тюрьма — это основа системы, ее ядро, то совершенство государства, к которому оно стремится. Государство хочет превратить наши жизни в жизни узников, наше общество в тюремный дворик, а весь мир в паноптикон.

Нужно знать адрес заключенного, его публикуем мы, группа поддержки, кампания поддержки, такие группы, как АЧК, которые организуют вечера поддержки политзаключенных, там пишутся письма, открытки, готовятся документы, где написано, куда можно писать, за что человек сидит. Приходит человек, хочет поддержать анархистов в заключении, но он может не знать, сколько их сидит вообще, он приходит на этот вечер, видит портрет человека, за что сидит, по какому уголовному делу, что ему предъявляют, сколько сидеть, уже есть базовая информация, вся фурнитура уже есть, организуется группой поддержки: листы, ручки, бумага, конверты, марки, открытки. Выставки, концерты — везде можно организовать все это. Письма поддержки — это очень важно, ты сидишь в тюрьме, ты отрезан от своего сообщества, от друзей, товарищей, очень мало общения вольного, оно очень требуется. Мне весь срок приходили письма, у меня целый ящик писем, но у меня маленький срок. С другой стороны, завязывается переписка, можешь сам писать, продолжать переписку. Мусора могут эту переписку зарубить тебе, не передавать письма,

типа они потерялись, не прошли цензуру, еще что-то. Они постоянно делают так, обрубают переписку, она идет-идет-идет, бац — нет, ты можешь ее возобновить, конечно. Ты можешь писать жалобы на то, что писем нет, тебе официально могут ответить: письма не доходят, и на самом деле не доходят, они могут найти лазейки и потерять письмо. Можно по цепочке искать, где твое письмо, в Почту России писать, такое-то такое-то письмо дошло до лагеря? Дошло — пишешь дальше лагерю. Мусора могут таким образом тебя изолировать, говорить, что ты сидишь-сидишь, тебя уже забывать начали. Я вообще не особо видел, чтобы зекам писали письма, кроме родных, на день рождения, на праздники какие-то, родные, близкие друзья.

Примечания

1 Федеральный закон от 01.03.2012 N18-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126740/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100028

2 Сковорода Е. «От сердца к солнцу» с последствиями [Русская планета]. URL: https://rusplt.ru/society/society_5240.html

3 Джеф Монсон провел семинар для московских антифашистов и автономов, а центр «Э» пытался этому помешать [Автономное Действие]. URL: <https://avtonom.org/news/dzhef-monson-provel-seminar-dlya-moskovskikh-antifashistov-i-avtonomov-tsentra-e-pytalsyaetomu>

4 УК РФ Статья 213. Хулиганство [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/9d692997b8cddf26782684f489987701b0daacf3/

5 Статья 51 Конституции РФ [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/83e04083255cc765ad2af577efd8db4607b207d5/

6 продержаться

7 помещение камерного типа

8 зам. начальника по безопасности и оперативной работе

9 АУЕ [Википедия]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/АУЕ>

10 Статья 12. Запрет курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах. Федеральный закон от 23.02.2013 N15-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2019) [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/1e069557f3bc904d8b3f6a62d5ccbe3ddae6edfd/

11 УК РФ Статья 228. Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a109722731a0509e104278d1b2d2f589beee330f/

12 УК РФ Статья 158. Кража [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/57b5c7b83fcd2cf40cabe2042f2d8f04ed6875ad/

13 УК РФ Статья 161. Грабеж [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8727611b42df79f2b3ef8d2f3b68fea711ed0c7a/

14 УИК РФ Статья 83. Технические средства надзора и контроля [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/7d7b1f3257db3209d80bbea0ff1563b4273982db/

15 ВОХР (охрана) [Википедия]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ВОХР_\(охрана\)#Военизированная_охрана_стран_постсоветского_пространства_\(1991_—_н.в.\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/ВОХР_(охрана)#Военизированная_охрана_стран_постсоветского_пространства_(1991_—_н.в.))

16 тюрьма в тюрьме

17 единое помещение камерного типа

18 барак усиленного режима

19 ПП-91 или «Кедр» — пистолет-пулемет

20 колода

21 УК РФ Статья 159. Мошенничество [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8012ecdf64b7c9cfd62e90d7f55f9b5b7b72b755/

22 Никулин П. «В меня уже стреляли до этого» [Русская планета]. URL: https://rusplt.ru/society/society_4653.html

23 Долбила — Антон Фатулаев — погиб в Донбассе в 2014 году: https://vk.com/wall-74807146_632 Антифашист Антон Фатулаев осужден на четыре года за драку с фанатами, работающими в «Единой России» [Автономное Действие]. URL: <https://avtonom.org/news/antifashist-antonfatulaev-osuzhden-na-chetyre-goda-za-draku-s-fanatami-rabotayushchimi-v-edino>

24 УК РФ Статья 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e7204e825c8e87b5c7be210b06a0cde61cd60a3c/

25 антирасистский скинхед-зин, выпускавшийся в 2009–2012 гг

26 УК РФ Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/

27 Анна Каретникова — правозащитница и бывший член ОНК, в настоящее время сейчас работает в УФСИН России по г. Москве

28 Берг Е. Пять лет «болотному делу». Десять историй его участников [Meduza]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/05/06/pyat-let-bolotnomu-delu-desyat-istoriy-ego-uchastnikov>

29 Солопов М. Околофутбол: дело против хулиганов ЦСКА и «Спартака» и конкуренция подразделений МВД за право бороться с фанатами [Медиазона]. URL: <https://zona.media/article/2016/31/03/union-yarosavka>

30 УК РФ Статья 212. Массовые беспорядки [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/cdfbaa9aeaf8b47695af18e41433e4e3f5f4be5f/

31 схема «кинуть на колесо» — это перевод из хаты в хату, раз в два дня, каждый день, это и в СИЗО, и под «крышей» тоже практикуется, чтобы измотать тебя, в лагере — нет — можешь жить на бараке весь срок, в лагере это не работает

32 Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в части увеличения ежемесячных денежных сумм, предусмотренных для приобретения осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости» от 13.07.2015 N260-ФЗ (последняя редакция) [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182644/#dst100008

33 служба отправки электронных сообщений в системе ФСИН России

34 бывшие сотрудники правоохранительных органов

35 УК РФ Статья 116. Побои [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6dba187564f6295ba160042bed507b2a62939c22/

36 Полухина Ю. «Болотное дело» вышло из берегов. Накопленный следователями опыт может быть использован даже против тех, кто не был на площади 6 мая 2012 года [Новая газета]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/12/07/66677-171-bolotnoedelo-187-vyshlo-iz-beregov>

37 социально-культурное горизонтальное пространство в Москве, работавшее в 2013– 2014 гг.

38 MLM — ежегодный московский скинхед-фестиваль памяти Федора Филатова (организуется одноименным скинхед-лейблом)

39 наци-скины

40 УК РФ Статья 205. Террористический акт [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/43942021d9206af7a0c78b6f65ba3665db940264/

41 УК РФ Статья 105. Убийство [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/5b3e04338020a09b25fe98ea83bc9362c8bc5a76/

42 Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовноисполнительной системы [ГАРАНТ]. URL: <http://ivo.garant.ru/#%2Fdocument%2F12142931%2Fparagraph%2F49599%3A0>

43 УК РФ Статья 208. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e15b4807e0a41503c8101b28cb338b6938e5021b/

44 Лиханова Т. Из кого и как сплели дело «Сети». «Новая» рассказывает биографию подозреваемых в террористическом заговоре [Новая газета]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/04/08/80135-povar-slesar-alpinist-inzener>

45 Козлов В. «Так и осталось неясным, почему именно терроризм». Мосгорсуд вынес приговор националистам из «Автономной боевой террористической организации» [Газета.Ру]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2012/04/12/4343865.shtml>

46 Мы постарались собрать все сообщения о пытках в 2018 году. Посмотрите таблицу — там больше ста случаев [Meduza]. URL: <https://meduza.io/feature/2018/08/09/vse-soobscheniya-o-pytkah-etogo-goda-v-odnoy-tablitse-ih-uzhe-bolshe-polusotni>

47 Масюк Е. Не СИЗО, а малина. Что происходит в «одном из лучших следственных изоляторов России» под названием «Медведь» [Новая газета]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/02/02/67270-ne-sizo-a-malina>

48 Все материалы с тегом «Ильдар Дадин» [РБК]. URL: <https://www.rbc.ru/tags/?tag=Ильдар%20Дадин>

49 Прусенкова Н. Охота на Сократа. Дело против антифашиста все больше похоже на провокацию центра «Э» [Новая газета]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/04/14/59203-ohota-na-sokrata>

50 сообщить

51 Мальцев В. «Мусульмане молчали только на Пасху». Бывший заключенный о том, как радикальный ислам закрепляется в лагерях и тюрьмах [Лента.Ру]. URL: https://lenta.ru/articles/2016/04/27/djamaaty_v_turme/ Солопов М. «Был имам, который 11 лет отсидел и врубался как в воровское, так и в джамаат» [Медиазона]. URL: <https://zona.media/article/2016/11/02/jamia> Туманов Г. Зеленая зона. ФСИН усиливает борьбу с тюремными исламистами [Коммерсантъ]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2901612>

52 помещения, функционирующие в режиме следственного изолятора

53 Экс-мэр Ангарска и его зам получили условные сроки за растрату бюджетных средств [ИТАР-ТАСС]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/2381258>

54 определенное предписание, что делать с заключенным

55 СУС — строгие условия содержания

56 См., например, ст. Брицкой Т. Пожаловался — отобрали костыли. Осужденные колонии под Мурманском заявили о пытках [Новая газета]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/08/07/81520-pozhalovalsya-otobrali-kostyli> ст. Ксении Руновой «“Неуместная” гуманность: как работают врачи в пенитенциарной системе России» // Журнал исследований социальной политики, том 17 № 32019, электронная версия: <https://jsps.hse.ru/article/view/10627/11018?fbclid=IwAR1pdLfcSoUrnz243WYbMTfnYJrq1xmy8pzAICFbKQDI0NGJOxdgD2Xcwhg>

57 <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/cockney?q=cockney>

58 УК РФ Статья 30 Приготовление к преступлению и покушение на преступление [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/da2816304405597f50919c18f77906b4bf4594c3/

59 «крытые» тюрьмы

60 Программа «Поддержка политзаключенных и других жертв политических репрессий» [Правозащитный центр «Мемориал»]. URL: <https://memohrc.org/ru/content/programma-podderzhka-politzyaklyuchennyh-i-drugih-zhertv-politicheskikh-repressiy>

61 УК РФ Статья 318. Применение насилия в отношении представителя власти [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8178e3ed3a290597f40ff8d19679a3f2f8daffe7/

62 Никулин П. Неонацисты посидят за мраморную говядину [Русская планета]. URL: https://rusplt.ru/society/goviadina_nazi.html

63 российский анархо-журнал

64 В Краснодаре вновь осужден независимый журналист [Кавказский Узел]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/80293/>

65 Зеленский М. Уголовное дело против корреспондента «Медузы» Ивана Голунова. Главное [Meduza]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/06/07/ugolovnoe-delo-protivkorrespondenta-meduzy-ivana-golunova-glavnoe>

66 «Автономное Действие»: <https://avtonom.org/about>

67 город в Красноярском крае

68 «Анархический Черный Крест»

69 Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Том 1. М.: Радикальная теория и практика, 2016.

Версия #2

Зверобой создал 15 июня 2025 16:12:42

Зверобой обновил 15 июня 2025 16:55:21